

Владыки капиталистического мира

В.Н. Левин

ФЛИК— ИМЯ нарицательное

Flick: „Erfolg“

Die Steuerbefreiung für den Flick-
Wirtschaftsministerium weiter für L
von Graf Lambsdorff, den die St

orgt im
Ressort
er Be-

FLICKS DRITTER KONZERN

Prozentanteil der Beteiligung Flicks

Владыки капиталистического мира

В.Н. Левин

**ФЛИК—
ИМЯ
нарицательное**

**Москва
Издательство
политической
литературы
1989**

ББК 65.9(4Ф)
Л36

Л36 **Левин В. Н.**
Флик — имя нарицательное.— М.: Политиздат, 1989.— 126 с.— (Владыки капиталистич. мира).
ISBN 5—250—00476—8

В памфлете журналиста-международника Виктора Левина в строго документальной, яркой форме рассказывается о военном преступнике Фридрихе Флике, основавшем концерн «Фридрих Флик КГ», и его наследнике — младшем сыне Фридрихе Карле. Перед читателем разворачивается широкая панорама биржевых спекуляций, сомнительных махинаций, подкупа политических деятелей и откровенного шантажа, которые вознесли владельцев концерна на вершину финансового могущества. После громкого скандала, получившего название «аферы Флика» (дело о пожертвованиях концерном миллионных сумм политическим партиям, за что ему предоставлялись гигантские налоговые льготы), концерн был продан «Дойче банк». «Фридрих Флик КГ» перестал существовать, но дух, в рождение которого он внес огромный вклад, и сегодня дает о себе знать в экономической и в политической жизни ФРГ.

Л 0607000000—149 233—89
079(02)—89

ББК 65.9(4Ф)

ISBN 5—250—00476—8

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

Так же как в кайзеровской Германии имя Вильгельма не упоминалось без определения «его императорское величество», в Федеративной Республике Германии Фридрих Карл Флик неизменно подобострастно характеризуется как «самый богатый человек в стране». И даже в тех случаях, когда о Флике пишет отнюдь не питающая к нему особых симпатий, а потому и не заискивающая перед ним либеральная пресса, эпитет не претерпевает принципиальных изменений. Если эта пресса и не называет его «самым», то «одним из самых богатых» Флик всегда остается.

Еще в начале 70-х годов нью-йоркское рекламное агентство Мориса Фельдмана, которое взяло на себя труд скрупулезно подсчитывать деньги супербогачей (сами эти супербогачи считают, что человек, знающий, сколько у него денег, богатым не является), в свой знаменитый реестр богатейших включило единственного немца — папашу Фридриха Карла, Флика-старшего. Но мало того, что Фельдман назвал Фридриха Флика, чей капитал превышал 18 миллиардов марок, супербогачом, — он поставил его на пятое место после шейха Кувейта Саббаха, королей нефтеналивного флота Онассиса и Ниархоса и нефтяного императора Гульбекяна. Чтобы лучше представить, что означает пятое место, следует отметить, что Фридрих Флик оказался впереди владельца крупнейшего в мире игорного центра в Лас-Вегасе американского миллиардера Говарда Хьюза и его соотечественников Ханта и Гетти, обладателей несметного количества нефтедолларов.

После того как нью-йоркская рекламная контора вознесла Флика на Гималаи финансового могущества, в ФРГ он уже практически никогда не спускался с самой большой вершины.

Каждый день его богатство увеличивалось на полтора миллиона марок. Полтора миллиона третьего дня, полтора миллиона вчера, полтора миллиона сегодня... И так в течение многих, многих лет.

В кассу концерна «Фридрих Флик индустрифервальтунг КГ» текли тысячи марок тех, кто приобретал ставший символом успеха престижный автомобиль «мерседес», и пфенниги тех, кто, клюнув на зазывной клич рекламы «Нежному — нежное», покупал туалетную бумагу «Сервус». Флик зарабатывал и на «Руководстве для любителей песни», выпускавшемся мюнхенским издательством «Ламберт Мюллер», и на танках «леопард», сходявших с конвейера фирмы «Краус-Маффей».

Около 330 фирм охватывала компания «Фридрих Флик КГ». Но прежде чем перейти к подробностям, целесообразно напомнить, что такое «КГ», тем более что в наше время эта аббревиатура встречается все реже.

КГ — командитное общество, или, как иногда пишут правоведы, командитное товарищество. С юридической точки зрения второй термин более точен, но в практическом обиходе значительно чаще упоминается «общество», и, поскольку это уже стало традицией, очевидно, целесообразно придерживаться данного определения.

Командитное общество обеспечивает полномочия того, кто стоит во главе его. Власть владельца «КГ» напоминает о могуществе монархов XVIII века. Он единолично «владеет и княжит» и волен ни с кем не считаться. Но у полновластного хозяина и ответственность полная. Если в «АГ» — акционерном общест-

ве — реальная власть принадлежит акционерам (мелкие не в счет!), которые и ответственные решения принимают, и доходы соответственно вложенному капиталу получают, и за возможные убытки пропорционально отвечают, то в командитном обществе положение иное. Владелец его, повторимся, власть ни с кем не делит. Он единолично и урожай пожинает, и за финансовые просчеты сполна расплачивается.

Наше бурное время предъявляет все более жесткие требования к производству и обновлению продукции, а капиталистическая конкуренция безжалостно расправляется с теми, кто оказывается недостаточно проворным. Многие командитные общества сходят на нет, уступая место акционерным компаниям, более изворотливым и удачливым. К тому же надо иметь в виду, что «КГ» предполагает не только единоличного владельца, но и самодержавного правителя, а акционерные общества ныне управляются менеджерами, которые должны быть пусть не самыми богатыми держателями акций, но самыми деловыми. И горе им, если они споткнутся. Когда в 1987 году после многолетнего лидерства на автомобильных рынках компания «Даймлер-Бенц», уверовавшая, что ее «мерседес» никто превзойти не может, уступила конкуренту в гонке за самыми престижными покупателями, правление незамедлительно сменило своего председателя и взяло на вооружение новую стратегию. В «КГ» так не бывает. Владелец может разориться, но скипетр из рук не выпустит.

К тому же трудящиеся ФРГ сумели добиться права, которого нет ни в одной другой капиталистической стране. Законодательством установлено, что в состав наблюдательных советов акционерных обществ (за исключением советов так называемых семейных обществ с числом рабочих до 500) должны включаться

не только лица, избираемые акционерами, но и представители рабочих и служащих предприятий. И если, как правило, число представителей рабочих составляет одну треть общего состава членов наблюдательных советов, то в акционерных обществах, которые функционируют в угольной и сталелитейной промышленности с числом рабочих свыше 1000, представительство акционеров и трудящихся в наблюдательных советах должно быть равным. Да разве претендовавшие на монаршую власть Флики могли пойти на это? Лучше рисковать разорением, чем терпеть рядом с собой «синих воротничков».

Ни Фридрих Флик, ни его отпрыск не хотели терять полновластие. Сама мысль о том, что кто-то может возражать против его решения, для Фридриха Карла была так же неприемлема, как и для Старого Фрица. Так по аналогии с королем Пруссии Фридрихом Вторым лизоблюды нарекли основателя фирмы.

Между двумя Фридрихами — королем и дельцом — и в самом деле было немало общего. И тот и другой были первостатейными хищниками. И тот и другой жаждали безграничного самовластия.

Протоколы Нюрнбергского трибунала, перед которым Фридрих Флик предстал за свою зловещую роль в организации гитлеровской агрессии и в преступлениях против человечества по делу номер 5, зафиксировали в высшей степени примечательный диалог.

«Председатель. Одну минуточку! Вы все время употребляете местоимение «мы». Кого вы под ним подразумеваете?»

Флик. Под «мы» я подразумеваю «нас».

Председатель. Следовательно, «мы» — это все те, кто работал в концерне?»

Флик. Нет. «Мы» — это значит «Миттельдойче штальверке», то есть группа моих фирм».

«Мы, Фридрих», «Мы, Вильгельм». Коронованные

особы всегда говорили о себе во множественном числе. Местоимение символизировало их могущество. Флик не то что считал — он был твердо, непоколебимо убежден в том, что его могущество нисколько не меньше.

Директорами концерна он помыкал, как сатрап слугами. Высокомерная резолюция «В такой форме не утверждаю» доводила убеленных сединами профессионалов до состояния белого каления, но они молча глотали обиду. Хозяин!

Отнюдь не щедрый на сантименты и совсем не робкий, первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр перед Фликом едва не заискивал. «По случаю Вашего 75-летия,— писал Аденауэр в 1958 году,— от всего сердца желаю Вам счастья. Долгим, бескорыстным (вот уж действительно, бумага все стерпит!) трудом, вопреки всем ударам судьбы, которые обрушились на наш народ и на Вас лично (явный намек на «несправедливость» Нюрнбергского трибунала), Вы создали великое и достойное удивления дело. Пусть силы и здоровье позволят Вам еще многие годы радоваться Вашим успехам и Вашему делу».

Напыщенными словами Аденауэр не ограничился. Флику прицепили высший орден — Большой федеральный крест за заслуги. Это было в стиле политической жизни тогдашней Федеративной республики. Представить вчерашних сподвижников нацистского режима невинными овечками, которые, дескать, вынуждены были подчиняться гестаповскому кнуту Гитлера, смыть с них коричневые пятна и выдать за столпов отечества, радеющих за ближних,— в этом состояла задача, и Аденауэр выполнял ее с большим рвением.

В те годы Фридрих Флик числился в ряду невинно пострадавших от «погорячившихся американцев». Сказать, что они сильно «погорячились», было бы

неверно. Суд приговорил Флика к семи годам тюремного заключения, хотя его злодеяния «тянули» явно на значительно больший срок. В обвинении американского военного трибунала в Нюрнберге по судебному делу номер 5, где первым в списке стоял Фридрих Флик, пункт первый касался рабского труда. Флику и его подручным вменялось в вину то, что они использовали и эксплуатировали тысячи иностранных рабочих и узников концлагерей против воли этих пленников. На предприятиях концерна Флика более 50 процентов всех рабочих составляли угнанные в рабство граждане Советского Союза и ряда восточноевропейских стран.

Флик и его подручные выжимали из этих несчастных все силы. На заводе фирмы «Лауххаммер» 950 заключенных под постоянным надзором СС работали ежедневно с 6 до 18 часов, получая в день 250 граммов хлеба, 5 граммов жиров и пол-литра супа. Тем, кто не выдерживал адских условий труда, грозило физическое уничтожение. На сталелитейном заводе в Гредице, когда до конца войны оставалось всего 20 дней, 186 заболевших заключенных были расстреляны командой СС.

В 1944 году на заводах концерна Флика работало свыше 40 тысяч иностранных рабочих, военнопленных и заключенных концентрационных лагерей. Главный обвинитель на процессе по делу Флика в Нюрнбергском трибунале сказал: «Имеющиеся доказательства не оставляют никаких сомнений в том, что иностранцы и военнопленные подвергались жестокой эксплуатации на предприятиях концерна Флика и что вследствие этого множество людей болели и умирали. Ясно также, что на предприятиях концерна Флика условия были наиболее тяжелыми».

Это была сознательная политика, которую нацисты цинично называли «уничтожением трудом». Западногерманский историк Ганс Момзен пришел к заключе-

нию, что отношение к иностранным рабочим зависело от их «расовой принадлежности»: в самом низу стояли рабочие из Восточной Европы. «Согласно сообщениям очевидцев,— писал журнал «Шпигель» в мае 1987 года,— русские военнопленные более всего страдали от голода, холода и жестокости охранников. Немецкие мастера и десятники награждали иностранцев пощечинами и избивали всех без разбора, их держали под контролем и притесняли гестаповцы, уполномоченный вермахта по делам обороны и заводская охрана, в которой с самого начала работали эсэсовцы».

Недавно стал достоянием гласности документ нацистского управления военной промышленности. В нем отмечается, что истощение русских доходило до того, что люди весили 60—70 фунтов. Они умирали из-за потери сил. В последнюю военную зиму военнопленные получали лишь литр супа из репы в обед, пол-литра супа вечером и 200 граммов хлеба.

Долгими часами эти несчастные должны были выстаивать на холоде на ночных поверках. Тот, кто пытался утеплиться, спрятав под одеждой обрывки упаковки, получал 25 ударов.

Так осуществлялось «уничтожение трудом».

В черном досье по делу номер 5 есть один светлый факт. Он свидетельствует о том, что рабочий Карл Куммерт принес русскому военнопленному кусок хлеба, но об этом упоминается лишь для того, чтобы пояснить, за что Куммерт был жестоко наказан.

Казалось бы, после всего этого и язык не может повернуться назвать суд незаслуженным «ударом судьбы», как это сделал канцлер Аденауэр. Но, повторим, это была сознательная политика боннского государства, в котором строитель концлагерей стал президентом, эсэсовский палач ходил в министрах, а те, кто еще недавно именовался вервиртшафтсфюрерами, составили экономическую элиту. Коль скоро в Запад-

ной Германии власти, вначале оккупационные, а затем и доморощенные, и не помышляли о национализации индустрии и банков, о подлинной, а не показной денацификации, по-другому и быть не могло. Да что там говорить, если известно, что Флик из тюрьмы руководил правлением своей фирмы!

Сам американский обвинитель Тэйлор назвал приговор Флику «крайне», если не чрезвычайно мягким и снисходительным».

Тэйлор был белой вороной, а главный американский советник на Нюрнбергском процессе Роберт Джексон давал совсем иные оценки. «С нашей, американской, точки зрения,— говорил он, обращаясь к судьям,— такой процесс против промышленников едва ли полезен. Зато риск, на который мы идем, может оказаться огромным. Боюсь, что публичные дебаты против частной промышленности, растянутые на долгое время, могут лишить промышленные картели мужества и впредь сотрудничать с нашим правительством в осуществлении мер по вооружениям, которые должны быть приняты в интересах будущей обороны».

В отличие от Тэйлора, который всерьез воспринял обязательство, принятое на себя и правительством США о строгом наказании нацистских военных преступников, Джексон, прекрасно знавший подлинные намерения администрации Трумэна, ставил практические классовые соображения куда выше романтических слов. И надо ли говорить, что предпочтение отдавалось именно таким соображениям, что вызывало в западных зонах бурный прилив восторга у тех, кто еще вчера цеплял на лацкан пиджака значок НСДАП.

Циничные откровения Джексона показывают, что Аденауэр своим определением Флика как «бескорыстного труженика», по сути дела, лишь повторил то, что говорили за океаном. Они быстро нашли общий язык — и американские оккупационные власти, и их

западногерманские подопечные. А то, что этот «бескорыстный труженик» настолько тесно сотрудничал с нацистским режимом, что его имя в ряду промышленников, поддерживавших Гитлера, стояло одним из первых, нисколько не смущало ни тех, ни других. Флик был для них своим, и в этом был корень соответствующего отношения к нему. Из семи определенных ему лет он не отсидел и пяти.

Когда один из западногерманских издателей вознамерился перепечатать вышедшую в ГДР книгу «Дело номер пять» о процессе в Нюрнбергском трибунале по делу Флика, ему так дали по рукам, что напрочь охоту отбили. Даже во время грозного скандала с «аферой Флика» — делом о подкупе концерном крупнейших политических деятелей — огонь средств массовой информации был сосредоточен на исполнителях, но не на самом владельце концерна, дававшем указания, кому и сколько отсчитать из кассы «КГ».

Говорят, когда английские спорщики — а сыны Альбиона слынут страстными поклонниками пари — уверены в собственном превосходстве, они ставят десять против одного. Готов поставить сто, даже тысячу против одного, что в послевоенной поре (о предвоенной и говорить не приходится) не найдется такой капиталистической страны, где бы не разражались скандальные истории, связанные с махинациями некоронированных королей бизнеса.

Уж на что щепетильно сдувает с себя пылинки беззастенчивой частнопредпринимательской деятельности Швеция, и она стараниями концерна «Бофорс» оказалась замешанной в постыдных поставках оружия, подливавших масло в огонь региональных конфликтов. Если же обратиться к цитадели мирового капитализма — Соединенным Штатам Америки, то там трудно найти более или менее продолжительный период, в течение которого не было бы скандалов. Министры,

разглагольствуя о чести, входят в сговор с боссами мафии, вице-президент, не ведая ни стыда, ни совести, не платит налогов, крупнейшие корпорации, для примера назовем «Крайслер», прикидываясь банкротами, по локоть запускают руку в государственную казну. И если вице-президенту Агню, не платившему налогов, пришлось под давлением политических соперников подать в отставку, то Донован, входивший в кабинет Рейгана и продолжавший при этом водить шашни с мафией, по суду был полностью оправдан вопреки непреложным фактам. А «Крайслер» благодаря крупным государственным финансовым инъекциям значительно приумножила доходы и соответствующие выплаты дивидендов.

На поле капиталистического предпринимательства произрастают в основном одного вида ягоды. Каждая в отдельности называется по-разному, но принадлежат они к единому семейству, которое на традиционной латыни можно обозначить как «капитализмус вулгарис». Дословно — обычный, простой, а точнее — пошлый и грубый. А маскируется это под радетелей отечества, отцов нации, тех, «благодаря кому всем нам, — как говорил недавно скончавшийся лидер ХСС премьер-министр Баварии Штраус (правда, не уточнив, кого он подразумевал под этими «нами»), — хорошо живется».

Над созданием фальшивого образа трудятся стоустая и стоокая электронная пресса, как именуют телевидение и радио, бесчисленные газеты и журналы. Магнатам экономики поют хвалу газеты концерна Шпрингера в ФРГ, миллиардера Мэрдока в Англии, не уступающего ему в могуществе Эрсана во Франции. Да и как иначе? Воспевая фликов, они восхваляют и себя.

За таким прикрытием, да еще опираясь на услужливые законы, все, что угодно, делать можно. И они делают.

В книге Гюнтера Оггера «Фридрих Флик — миллионер» приводится такой эпизод.

Фридрих Флик пожелал иметь собственный портрет и пригласил самого знаменитого в ФРГ портретиста, художника Падуа. Когда картина была готова, Флик долго и пристально рассматривал ее с той же скрупулезностью, с какой крестьянин разглядывает покупаемую лошадь. Затем, повернувшись к художнику, Флик недовольно заметил:

— Это не руки, а какие-то когти.

— Но ведь это так и есть,— ответил художник.

Флик смешался. Падуа добавил:

— Разве вы, господин Флик, когда-нибудь отдавали то, что вам удавалось схватить этими руками?

Флик ухмыльнулся:

— Такого не было.

Не зря ведь еще с 30-х годов на бирже за ним утвердилась кличка Стервятник.

Художнику Старый Фриц уплатил сполна.

Так мог ли он с кем-нибудь делить власть? Никогда.

Робкая попытка старшего сына магната, Отто Эрнста, считавшего себя кронпринцем промышленной империи, выразить претензию на участие в управлении ею привела к отчуждению между ним и отцом.

— Ты живешь моим благодеянием,— резко сказал Старый Фриц.— Я могу тебя выбросить вон и взять обратно. Сам по себе ты — ничто. Все, чем ты являешься, создано мной.

С того момента стало ясно, что Отто Эрнст не имеет шансов стать главой концерна.

Урок, преподанный отцом старшему сыну, без сомнения, врезался в память младшего. Фридрих Карл никогда не претендовал на большее, чем позволял отец.

Осуществляя биржевые операции, Флик-отец частенько пользовался таким способом, как покупка

акций. Он мог неожиданно для соперников приобрести долю участия в предприятии, которое его нисколько не интересовало, но вызывало вожделение у конкурента. И потом «уступал» свою собственность, выигрывая лакомый кусок.

Это очень ярко проявилось в начале 60-х годов, когда Флик пошел на штурм крупнейшего в ФРГ предприятия по производству бумаги «Фельдмюле». Лихая кавалерийская атака на акционеров, которые в это время беспечно подсчитывали будущие дивиденды, принесла Старому Фрицу контроль над 57 процентами капитала «Фельдмюле». Имея в руках солидный пакет акций, другой бы промышленник успокоился. Но не таков был Флик. Он жаждал не просто контроля, а власти, полной, безграничной и безоговорочной.

В забавном и весьма поучительном фильме «Айболит-66» незадачливые разбойники поют песенку о том, что «нормальные герои идут всегда в обход». В фильме это звучит иронично, а в частном предпринимательстве такой метод действий практически обеспечивает желаемый результат.

Прибрав к рукам 57 процентов акционерного капитала, Флик прекратил наступление на «Фельдмюле» и обратил свои взоры на фирму «Динамит Нобель АГ». Это было старое почтенное предприятие, основанное еще в прошлом веке изобретателем бездымного пороха Альфредом Нобелем. Фирма и в ту пору, когда на нее положил глаз Фридрих Флик, не только по традиции, но и в силу надежного спроса производила взрывчатку и патроны, но одновременно занималась переработкой синтетических материалов. Это обстоятельство и привлекло Флика. У него зрел план объединить «Фельдмюле» и «Динамит» и тем самым добиться господства на рынке.

Старый Фриц шел к цели упорно и решительно. Очень скоро его доля в капитале «Динамит АГ» достиг-

ла 70 процентов. На этом участке конкурентной борьбы успех был обеспечен. И тогда Флик снова ринулся на завоевание полного господства в «Фельдмюле».

Но на его пути стояла мощная крепость. Вожде ленные акции находились в руках Гуго Стиннеса-младшего. Хоть он и уступал родителю по части хватки, но умел держать в руках доставшееся по наследству. Обвести его вокруг пальца — Флик это прекрасно понимал — было делом безнадежным. И тогда Старый Фриц прибегнул к разменной монете. Зная об интересах Стиннеса, он отдал ему 75 процентов капитала фабрики синтетической пленки «Вольф и К⁰», да еще в придачу предприятие «Феллаверке», и получил за это 21,4 процента акций «Фельдмюле».

Стиннес внакладе не остался, но и Флик полностью преуспел в своей затее. Он приобрел 90 процентов капитала, а вместе с этим и единовластие. А чтобы остальные акционеры не путались у него под ногами, Флик под соусом преобразования фирмы выпустил новые акции, которые сам же целиком и скупил.

Старый пройдоха воспользовался при этом параграфом закона, принятым еще во времена «третьего рейха». Причем закон этот не претерпел никаких изменений, ибо, как поясняла «Франкфуртер альгемайне цайтунг», газета откровенно близкая к крупному капиталу, «неизменный закон проходит через законодательные инстанции проще, чем снабженный поправками».

Беззастенчивая расправа с мелкими держателями акций вызвала бурю возмущения. Нет, пресса и общественность и даже сам канцлер Людвиг Эрхард бушевали не потому, что в ФРГ продолжал действовать закон, принятый в годы правления нацистов. Их возмущало то, как цинично Флик надругался над заботливо культивировавшимся правящими кругами и в том числе самим Эрхардом мифом о «народном капитализме».

Ведь в то время, когда официальная молва утверждала, что, купив акции, каждый рабочий может стать совладельцем предприятия, Флик одним пинком вышиб всех мелких акционеров. Это был удар не только по ним, но и по официальной доктрине.

Но кончилась эта история именно так, как и должна была кончиться. Реальная практика, действительная власть денег без особого труда одолели мифотворческие упражнения даже таких профессоров (а Эрхард имел титул профессора), которые восседали в резиденции главы правительства в Шаумбургском дворце.

Немного погодя Флик провернул точно такую же комбинацию с «Динамит Нобель АГ». Он и там стал самодержцем. Характерно, что в этом случае и канцлер, и пресса сочли за благо сделать вид, будто ничего страшного не произошло. И в самом деле, ведь впустую сотрясая воздух, ставишь себя в нелепое положение.

Последний трюк Старого Фрица раскрылся только после его смерти. Флик заблаговременно перевел все состояние на сыновей и внуков и тем самым перестал быть юридическим владельцем своей промышленной империи. Фактическую власть он из рук не выпустил, не в характере Стервятника это. Переводя состояние, Флик нотариально оформил полномочия, дававшие ему неотъемлемое право до самой смерти распоряжаться всем подаренным наследникам богатством.

Может возникнуть вопрос, а зачем надо было огород городить? Флику было надо. При помощи этого трюка он обошел существующий в ФРГ налог на наследство, сэкономив тем самым для концерна полмиллиарда марок.

Есть такая шведская поговорка: «Когда бог приходит со смертью, черт приходит с наследством». Смысл ее предельно ясен. Про Старого Фрица можно сказать, что хоть с богом и ему совладать было не под

силу, черту он нос показал. Одного из главных претендентов — государство, ожидавшее налог на наследство, он надул на куда как почтенную сумму — 500 миллионов марок.

Судя по всему, Флик готовился к этой операции загодя, проигрывая различные варианты. Еще в начале 60-х годов, вскоре после размолвки со старшим сыном, Старый Фриц неожиданно выдвинул идею усыновления Фридрихом Карлом старшего отпрыска Отто Эрнста, по имени Герт Рудольф.

Согласитесь, трудно представить, чтобы живые родители, находясь в добром здравии и отнюдь не бедствуя, согласились юридически отказаться от собственного ребенка. Отто Эрнст воспринял это как новое оскорбление. Но папаша был не из тех, кто легко отказывается от собственных идей. Его эмиссары назойливо внушали Отто Эрнсту, что он отказывается от счастья.

— Вы же не враг своему сыну,— нашептывали посланцы Старого Фрица.— Конечно, ваш мальчик причитающуюся ему долю получит. Закон четко определяет, какая сумма выпадает ему, и, конечно, никто ее не уменьшит. Но... судя по всему,— при этом шепот становился еще более вкрадчивым,— Герт Рудольф будет обязан уплатить налоги, а тут-то и возможны варианты. Если Фридрих Карл — а он распоряжается капиталами — оформит долю Герта Рудольфа как дар, то 114 миллионов придется отдать казне. Увы, закон суров к наследникам не по прямой линии. А если он станет сыном Фридриха Карла, заплатить в виде налога придется всего 39 миллионов. Герту Рудольфу достанется на 75 миллионов больше.

Но Отто Эрнст отцовских сирен и слушать не хотел. Обиделся. Сам же и остался внакладе.

Штаб-квартира «Фридрих Флик КГ» находилась в Дюссельдорфе. Из современного пятиэтажного здания стометровой длины, имеющего подчеркнуто деловой, рациональный вид — никаких украшательств, никаких излишеств, — тянулись нити управления в вассальные фирмы.

Жемчужиной британской короны во времена оны называли Индию. Свой царственный венец Старый Фриц украсил «счастливой звездой» (так рекламируют эмблему автомобиля «мерседес») компании «Даймлер-Бенц». Флик довольно долго ходил около этой фирмы, как кот вокруг горшка с горячей кашей. На лакомый кусок слюнки текли не у него одного, да к тому же и проглотить его было дано не каждому. Но Фридрих Флик сумел прибрать компанию к своим рукам.

В начале 70-х годов концерн «Фридрих Флик КГ» опирался на пять столпов. Главным был автомобильный гигант «Даймлер-Бенц» с годовым оборотом 11,6 миллиарда марок. Затем шли бумагоделательный концерн «Фельдмюле» с оборотом 1,5 миллиарда марок, фирма «Динамит Нобель», выпускающая синтетические материалы и взрывчатые вещества (оборот 1,2 миллиарда марок), металлургическая фирма «Будерус», крупнейшее в ФРГ чугунолитейное предприятие, в состав которого входил и станкостроительный завод «Краус-Маффей» в Мюнхене (оборот 2,4 миллиарда марок), сталелитейный завод «Максимилиансхютте» (оборот 700 миллионов марок).

Если бы Флик на своей визитной карточке писал названия всех подвластных ему предприятий, его титул был бы длиннее, чем у Николая Второго, императора и самодержца Всероссийского, царя польского, великого князя финляндского и прочая, и прочая, и прочая. Но современные богачи придерживаются принципа «лучше быть, чем слыть».

Многолетний председатель объединения западногерманской промышленности Вольф фон Амеронген считал — и для этого у него были веские основания, — что «влияние важнее власти». Поэтому визитные карточки выглядят скромно, и в этом есть свой шик.

Фридрих Карл Флик, унаследовав кресло отца, вскоре за 2 миллиарда марок продал «Даймлер-Бенц» финансовым магнатам из «Дойче банк». Но от этого его могущество меньше не стало. В конце 1984 года газета «Нью-Йорк таймс» констатировала, что экономическое положение Фридриха Карла Флика «едва ли могло бы быть лучше».

«Промышленный концерн Флика процветает, — писала «Нью-Йорк таймс». — Прибыли этой гигантской холдинг-компании в 1983 году возросли по сравнению с предшествовавшим годом более чем втрое».

Но вот вопрос — приносили ли деньги, очень большие деньги, радость обоим Фликакам? Не удовлетворение, которое проистекало от обладания властью, от возможности вершить чужими судьбами и ощущать себя одним из штурманов, прокладывающих курс государственного корабля. Ни одно вино не пьянит так, как алкоголь власти. Этим, спору нет, и Старый Фриц, и Фридрих Карл упивались вполне. А вот радость, обычная человеческая радость, которая проистекает от самого бытия, от возможности делать то, что хочется, совершать глупости, покупать ненужные вещи, пусть безделицы, но приятные, такая радость была ли им хоть когда-нибудь ведома?

Судя по их образу жизни, по их мышлению, ответ категоричен — нет.

Вот уж правда: «Богачу-дураку и с добром не спится...»

Ни один из Фликов дураком себя не считал. Деньги делать умели, а не это ли признак ума в мире всевластия капитала? Делали на хитроумных комбинациях, приносивших миллионы в считанные мгновения, не гнушались грошовой экономии. Старый Фриц подолгу носил одно и то же пальто, вынашивал его до белых ниток. Лишний бутерброд себе не позволял, не говоря уже о хорошем куске мяса. И не диеты ради, а из жадности. Говорят, что миллиардер Флик курил самые дешевые сигары, ездил в жестких вагонах. Думаете, ему было безразлично, что курить и как ездить? Отнюдь. Однажды ближайшие помощники главы концерна, директора крупных предприятий, придумали такой трюк — с дешевых сигар шефа сняли обертку и завернули в нее дорогие сигары с более приятным запахом, поскольку от вони грошовых сигар Флика на совещаниях у них голова трескалась. Что бы вы думали? Старый Фриц с видимым удовольствием курил такие сигары, но сам так и не стал их покупать.

По оценке одного из биографов Флика, магнат не видел проку в искусстве. Он не ходил ни в театр, ни в оперу, ни даже в кино. Флик воспринимал музыку лишь как шум, а литературу — как искаженную действительность. «Курсы акций и статистические сведения об оборотах,— пишет Гюнтер Оггер,— он находил гораздо более впечатляющими, чем полотна Рембрандта или Пикассо, а бухгалтерские бланки — увлекательнее детективов».

Духовное было ему чуждо, хоть он и ставил перед своим именем докторскую степень. Да и может ли быть духовное у того, кто не имеет души?

На людях он показывался в исключительно редких

случаях — в юбилейные дни фирмы или на официальных торжествах. Его жизнь проходила в конторах, правлениях, залах заседаний.

Вот уж кому гласность была костью в горле. Прессу и на пушечный выстрел не подпускали ни к правлению, ни к предприятиям концерна. Примечательно, что первая фотография Фридриха Флика появилась в печати лишь в 1945 году, когда со скамьи подсудимых Нюрнбергского процесса он уже не мог повелевать средствами массовой информации. Строжайшее молчание было всегда высшим законом в его командитном обществе.

Фридрих Карл прекрасно понимал, что эксцентричная экстравагантность папаши, расцветшая в 30-е годы, никак не годилась для него самого в 70-е. ФКФ, как называют его за глаза, одевается модно, без вычурности, но элегантно. Темно-синий костюм-тройка, в светлую полоску, пестрый галстук, белый платок в кармане пиджака. В духе времени приобрел личный самолет, яхту. Но гены невероятной жадности снедали и его. Они терзали, жгли, мучили кошмарными видениями:

«Фридрих Карл Флик, преследуемый страхом неожиданно оказаться бедным, возвел в высший принцип экономию», — писал гамбургский журнал «Шпигель».

Неточное определение дает этот либеральный журнал. Если учесть, что, по мнению одного из умных немцев, жившего лет полтора назад, «экономить — это значит жить на те деньги, которые есть», Флик не экономил, а жадничал. Однажды, по примеру других богачей позволив себе послать личный реактивный самолет «Гольфстрим II» в Ниццу за клубникой к званому обеду, он, ужаснувшись собственной расточительности, едва ли не на другой день продал лайнер. За 8 миллионов 500 тысяч долларов. Включив в стоимость самолета цену клубники из Ниццы. И яхту, на которой катался по Средиземному морю, «Диана II»,

тоже продал, как писала западногерманская пресса, «одному богачу с Ближнего Востока». А более щедрых покупателей в наше время, пожалуй, нет. На Востоке роскошь всегда высоко ценилась, а сейчас есть чем за нее платить. Но и выгодные сделки не приносили Флику радости, в который раз подтверждая непреложную истину: «Не в деньгах счастье».

— Как беден тот, у кого нет ничего, кроме денег! — восклицал итальянский филолог Артуро Граф.

— Для приобретения того, что нужно душе, денег не требуется, — философски определил живший более ста лет назад американец Генри Дэйвид Торо.

Люди по своей природе очень разные. Даже представители одного социального класса могут отличаться один от другого весьма значительно. Богат не так, как Флик, но и далеко не беден американец Арманд Хаммер. С какой стороны ни посмотри, миллионер. Но ему далеко не чужды человеческие порывы, проявление подлинной гуманности. Мы, советские люди, никогда не забудем, что в черный час трагедии Чернобыля Хаммер одним из первых предложил помощь, доставил в Москву крупнейшего специалиста по пересадке костного мозга доктора Гейла, прислал медикаменты. Он же незамедлительно откликнулся на трагические события, связанные с землетрясением в Армении в декабре 1988 года. И было бы не просто неверно, но даже кощунственно ставить Хаммера и Флика в один ряд.

Но если говорится, что Флик — имя нарицательное, имеется в виду, что оно олицетворяет безграничную алчность, беспардонную подлость, максимальный цинизм, попрание всех норм морали и глубочайшее презрение не только ко многим людям, но и к человечеству в целом, все те качества, которые наиболее ярко воплотились в магнатах военно-промышленного комплекса.

Частные корпорации, как правило, возникали на фундаменте изобретательского таланта их основателей. Даймлер придумал автомобильный двигатель внутреннего сгорания, Сименс сказал свое слово о процессе пудлингования, чем открыл путь к мартеновскому производству стали. Грундиг уже в послевоенные годы первым «оседлал» ультракороткие волны.

Старый Фриц не был изобретателем, не был первопроходцем. Его единственный талант, если это можно назвать талантом,— зверская хватка, сочетающаяся с не менее зверскими методами борьбы с соперниками.

Основы своего могущества Флик заложил в годы первой мировой войны. До этого он успел получить образование в Высшей торговой школе, приобрести практику бухгалтерской работы и прибыльно жениться, получив в приданое сыгравшие в последующем важнейшую роль 30 тысяч марок золотом. Его знали в родном Зигерланде, где он за пять лет работы бухгалтером основательно изучил хозяйственные отчеты всех зигерландских металлургических заводов, что дало ему возможность определить их сильные и слабые стороны.

Стартовой площадкой для взлета к вершинам финансового могущества Флику послужил металлургический завод «Шарлоттенхютте ГмбХ» в Нидершельдене. Став его управляющим, Флик продемонстрировал и знание дела, и хватку, и умение смотреть вперед. Он одним из первых начал использовать металлолом для выплавки стали, смело пошел на штурм твердынь рурских угольных баронов, чтобы надежно обеспечить металлургический завод энергетическим сырьем, и даже устоял перед натиском могущественных стальных магнатов Тиссена и Клёкнера. А уж подмять под себя мелких владельцев акций «Шарлоттенхютте» Флику было проще простого. Другие члены правления и

оглянуться не успели, как Флик завладел контрольным пакетом акций.

О механике этого успеха он никогда никому не говорил, но косвенные данные позволяют представить, как Флик сумел вложить колоссальную по тем временам сумму в 2 миллиона золотых марок в «Шарлоттенхютте». Флик занимал деньги в своей собственной фирме или в банках, а затем приобретал долю в капитале тех фирм, которые имели акции «Шарлоттенхютте». После этого он обменивал свои доли в этих фирмах на их доли в «Шарлоттенхютте», но, пользуясь тем, что сумел проникнуть во вражеский стан, диктовал свои условия сделки. Флик не очень-то считался с собственной фирмой — он покупал на деньги, взятые займы в «Шарлоттенхютте», металлолом, а потом с наценкой продавал... той же «Шарлоттенхютте». Другие директора и не заметили, как Флик стал крупнейшим акционером, а вместе с тем и генеральным директором.

Нельзя сказать, что Флик и в дальнейшем всегда действовал по этой же схеме. Нет, методы менялись, но лишь как формы спекуляции. Слывший в начале 20-х годов крупнейшим специалистом в области экономической журналистики, Феликс Пиннер восторгался Фликом как «финансовым гением, маэстро биржевой игры, виртуозом в создании группировок и концентрации капитала, человеком, обладающим способностью без страха и сомнений пользоваться разницей в денежных курсах и таким путем перераспределять капитал».

Если эту характеристику очистить от напыщенных слов, раскрыть внутренний смысл формулировок и внести необходимые коррективы в меру ценностей капиталистического общества, то перед нами предстанет столь же талантливый, сколь и беззастенчивый, беспринципный и беспардонный биржевой спекулянт.

Но это грубое слово применяется в мире капитала лишь к тем, кто проигрывает на бирже. А поскольку Флик выигрывал, он ходил в героях до своего последнего дня.

Над героизацией облика Флика немало поработали издания газетного короля Шпрингера, который и сам душой и телом принадлежал к военно-промышленному комплексу. В них была и лесть, и зависть, и неумеренные восхваления, и... даже камни в спину. «Он был предпринимателем особого стиля,— писала летом 1983 года газета «Вельт ам Зоннтаг»,— таким, который ничего не основал, ничего не изобрел, ничего не произвел, а завоевал все то, чем он владел. Флик был человеком железных принципов, которые он всякий раз отбрасывал, когда считал это целесообразным».

В этой характеристике, особенно в последней фразе, есть большая доля истины. Но поставим вопрос: разве она относится только к Флику? Ведь сказанное точно в такой же степени характеризует и самого Аксея Шпрингера. Поэтому с полным основанием можно говорить, что Флик один из многих ему подобных, что Флик — имя нарицательное.

Гамбургский журнал «Штерн» называл Флика единственным немцем, которому трижды удавалось выйти из катастрофических для народа и государства положений, и всякий раз с выгодой для себя, с возросшим капиталом.

Это действительно так. Флик не пошел ко дну вместе с кайзеровской империей, проскочил с минимальными потерями между Сциллой и Харибдой «великой депрессии» и выбрался из-под обломков «третьего рейха».

Возвеличивая хозяйственный гений Старого Фрица, подобострастные биографы отмечают, что война лишила Флика трех четвертей его владений, которые находились в основном на территории, отошедшей к

Польше, и между Эльбой и Одером. Действительно, многие предприятия оказались национализированными. Но, как бы парадоксально это ни звучало, Флик был заблаговременно готов к такому повороту событий.

Известно, что в своем кабинете дюссельдорфской штаб-квартиры Флик повесил на стену полученную им еще в разгар войны от надежных людей карту с обозначением оккупационных зон в Германии. Принципиальное решение на этот счет союзники по антигитлеровской коалиции приняли на Ялтинской конференции, но нацистской разведке — не будем сейчас вдаваться в вопрос, каким образом — удалось много раньше заполучить предварительные наметки.

Что хотел показать Флик, выставив карту на всеобщее обозрение, сам он не объяснял. Понимай как хочешь. Но одно не вызывает сомнений — не мог такой тертый калач, как Флик, делец, которому никак нельзя отказать в обостренном чутье на «жареное» и на поживу, заполучив карту оккупационных зон, просто-напросто положить ее в сейф, чтобы потом заключить в рамку. Карта, и это подтверждается фактами, подтолкнула Флика к действиям по спасению своего имущества.

Весной 1944 года Фридрих Флик разделил номинальный капитал своих фирм между сыновьями, провел децентрализацию концерна и перенес его штаб-квартиру из Берлина в Дюссельдорф — в будущую западную оккупационную зону.

Так же действовали и многие другие концерны. «Сименс» в каждой из предполагаемых оккупационных зон заблаговременно создал самостоятельное руководство концерном. Были изъяты все наличные средства, проведена модернизация предприятий и переданы патенты иностранным дочерним фирмам, чтобы максимально снизить ущерб от возможной экспроприации германских заводов победителями.

Однажды во время поездки по Германской Демократической Республике мне довелось побывать на металлургическом заводе в Ризе, который во время войны, как и все другие предприятия Флика, ковал оружие агрессии. Там с цифрами и документами в руках мне рассказали, как Флик перебазировал специалистов на запад, чтобы в оказавшейся в советской зоне оккупации Ризе трубы не дымили. Старый Фриц не рискнул вывезти оборудование. Гестаповские ищейки в те дни агонии нацистского рейха свирепствовали беспощадно. Упрек в «пораженческих настроениях» был равносителен смертному приговору. Но Флик заранее постарался снабдить новыми адресами всех, кому он верил и доверял. И когда завод перешел в руки народа, оказалось, что он практически остался без специалистов. Удар, который готовил Флик, был нанесен. Заодно магнат сохранил кадры.

На первый взгляд может сложиться представление о необычайной изощренности Флика, о его недюжинной способности находить выход даже в безнадежных ситуациях. Но хотя простаком Флика не назовешь, считать его чудотворцем оснований тоже нет. Да, он был ловок и изворотлив, как лис Райнеке, но, обратите внимание, он неизменно проникал в ту щель, которую оставлял закон. И в нацистской Германии, и в Федеративной республике Флик действовал в рамках существующих законоположений. Ну а если законы, созданные государством, способны нанести ущерб самому государству, возлагать ответственность на одного Флика было бы по меньшей мере несправедливо. Он типичное явление в типичной ситуации и действует так, как любой крупный предприниматель в любом капиталистическом государстве.

В 1932 году, когда под ударами экономического кризиса появились угрожающие бреши в промышленной крепости Флика и, казалось, ничто уже не в силах

предотвратить сдачу на милость заимодавцев — по фирме «Гельзенберг» долг составлял 26 миллионов рейхсмарок, да еще 20 миллионов требовал возвратить, и как можно скорее, Дрезденский банк, — он провернул операцию, которая в кругах биржевиков получила название «гельзенбергская афера».

Флик пустил слух, будто к его фирме проявляет интерес французский банк «Креди Лионнэ». А для того чтобы националистические чувства разыгрались вовсю, слухок был подкреплён «самыми достоверными сведениями» о том, что французские банкиры рассматривают покупку «Гельзенберга» как первый шаг к установлению своего господства, именно господства, ни больше ни меньше, над «Стальным трестом» — крупнейшим объединением германских металлургических концернов. Отсюда оставалось рукой подать до утверждения, что «французы хотят опутать и поработить Германию», которое варьировалось на страницах газет на все лады. Подогрев таким образом «патриотические чувства», магнат «уступил» акции общества государственной казне, отнюдь не считая «непатриотичным» запросить у правительства сумму, в пять раз превышающую биржевую стоимость акций.

Канцлеру Брюнингу, давшему указание купить акции «Гельзенберга» на условиях Флика, эта более чем сомнительная сделка стоила поста главы правительства, но его преемник фон Папен официально заявил, что «гельзенбергское дело представляет собой обычную акцию купли-продажи», что «санкционировал ее прежний министр финансов, а новое правительство приняло этот договор уже подписанным». Дескать, ничего не поделаешь, сделка состоялась, с точки зрения закона к ней претензий нет, а что касается моральной стороны, то это остается на совести прежнего правительства и новые министры отвечать за предшественников не могут.

«Гельзенбергская афера» добила кабинет канцлера Брюнинга, ему пришлось сдать полномочия, а с Флика, как с гуся вода.

Тот же прием, но в еще более благоприятной для Флика, отравленной расистскими бреднями, атмосфере нацистского рейха он повторил три года спустя.

С вожделением лисицы, увидевшей сыр в клюве вороны, смотрел Флик на два крупнейших буроугольных концерна, контролировавшие треть всех германских запасов этого сырья. Предприятия концернов географически располагались так, словно сами просились в руки Флика. Однако владельцы богатейших буроугольных копей, жившие в Чехословакии Игнац и Юлиус Печеки, не имели ни малейшего желания уступать дающие жирные доходы предприятия. Какой дурак станет продавать курицу, несущую золотые яйца? Печеков, евреев по национальности, не очень-то пугала нацистская политика «ариизации» экономики. У них были сильные позиции в США, и они явно рассчитывали на то, что при столкновении «ариизации» с реальной заинтересованностью бонз «третьего рейха» не дразнить американский капитал, предпочтение будет отдано деловым соображениям. И надо сказать, что эти расчеты опирались на солидный фундамент.

Печеки учли, казалось, все факторы «большой политики», но, направляя пронизательный взор за океан, они проморгали то, что творилось у них под носом. Ни Игнац Печек, ни Юлиус, хотя его предприятия в четыре раза уступали по мощности промышленной группе брата, всерьез Флика не принимали. Они смотрели на него свысока, едва ли не как Гулливер на заблудившегося лилипута. Высокомерие пагубно. Печеки и не заметили, как полчища фликовских лилипутов опутали их такими узами, которые сковали

их действия и отдали на милость победителя. И решающую роль в этом сыграло то, что Флик сумел, опять-таки играя на националистических струнках, привлечь государство к своей борьбе против Печек.

Флик беззастенчиво спекулировал на нацистской пропаганде о «еврейском капитале», но отнюдь не уповал на ее всесилие. Лозунги хороши, когда они получают материальное подкрепление. Желательно в прямом смысле этого слова. И Флик, зная, что «ариизацией» руководит Геринг, без лишних слов посулил его кузену, Герберту Герингу, жирную взятку. В предложенном ему обязательстве, которое фигурировало в документах обвинения на Нюрнбергском процессе, Флик писал: «В случае такого решения проблемы Печек, когда нашей группе будут выделены из этого состояния достаточно крупные угольные копи», он, Герберт Геринг, «должен получить вознаграждение, процентное отношение которого к размерам переходящего в наше владение состояния будет еще уточнено». Флик отлично знал: не подмажешь — не поедешь. «Подмазывать» он умел и «ехал» далеко. Под натиском со всех сторон Печеки выбросили перед Фликом белый флаг.

В третий раз Флик прибегнул к проверенному методу еще до выхода из Ландсбергской тюрьмы, где он отбывал заключение по приговору Нюрнбергского трибунала.

Прежде всего ему нужно было спасти от декартелизации (на первых порах западные державы еще занимались этим процессом) находившееся в Баварии сталелитейное общество «Максимилиансхютте ГмбХ». Оно включало в себя угольные копи и металлургические заводы и полностью принадлежало концерну «Фридрих Флик КГ». Угроза декартелизации нависла еще над двумя крупными владениями Флика — «Харпенер

бергбау» и «Эсснер штайнколе». Расставаться с ними Флик совсем не хотел, но ничто не заботило его в то время так, как судьба «Максимилиансхютте». Все помыслы, все действия старого хищника были направлены на то, чтобы сохранить это общество.

Тюремное заключение дает много времени для размышлений. Флик тщательно продумал план, учел и политические и психологические факторы, заблаговременно заручился поддержкой и приступил к делу.

События развивались бурно. Не успевал деловой мир Западной Германии осознать и оценить один шаг Флика, как тут же следовал другой, еще более неожиданный, еще более головоломный. И только много лет спустя, когда генеральный директор «Максимилиансхютте» Одило Буркарт раскрыл козырного туза, стала ясной вся хитроумная комбинация. Но это произошло лишь в 1956 году, а тогда, в 1951-м...

В декабре сидевший в тюрьме Фридрих Флик распорядился продать 26 процентов капитала «Максимилиансхютте» земле Бавария, а оставшиеся 74 процента перевел на новый холдинг «Меркургезельшафт фюр индустри унд хандельсунтернемен» в Дюссельдорфе (основной капитал — 37 миллионов западных марок). Это была откровенная комедия с переодеванием. Изменив название, Старый Фриц сделал владельцами нового холдинга своих сыновей Отто Эрнста и Фридриха Карла. Но Флик не был бы Фликом, если бы ограничивался двухходовыми комбинациями. По части создания запутанных на первый взгляд ситуаций он мог бы, пожалуй, соперничать с величайшими шахматистами, гроссмейстерами комбинационной игры. Неожиданные ходы Флика ставили в тупик биржевых дельцов, и они, не успев разобраться в происходящем, оказывались облапошенными.

Наряду с операцией по спасению «Максимилиансхютте» Флик объединил наиболее богатые

шахты в акционерное общество «Монополь-бергверке АГ». Таким образом, баварский сталелитейный завод мог и впредь бесперебойно снабжаться дешевым рурским коксом даже в случае, если фликовские каменноугольные шахты действительно попали бы под декартелизацию. Да и компания «Максимилиансхютте», «проданная» земле Бавария, была выведена из-под удара. Ведь компания стала государственным предприятием, в котором, кстати, ни одна марка больше не принадлежала военному преступнику Флику. Ну а то, что Флик заранее решил (и в свое время осуществил), что договорным порядком лишит обоих сыновей права распоряжаться холдингом «Меркургезельшафт» и выкупит (это произошло четыре года спустя, когда само слово «декартелизация» в ФРГ было выброшено из лексикона) у земельного правительства Баварии остальные 26 процентов акций «Максимилиансхютте», было всего лишь делом техники.

Как уже отмечалось, этот прожженный делец Фридрих Флик умел играть на националистических чувствах. Но когда национальные одежды становились ему тесны, он, не колеблясь, сбрасывал их. Так, в 1954 году Флик продал акции каменноугольной «Харпенер бергбау АГ», предприятия, которое называли «сердцем Рура», французской компании «Сидешар». Продал, поскольку за акции, стоившие по биржевому курсу 67 миллионов 260 тысяч марок, французы заплатили 180 миллионов. И когда Флика стали упрекать в пренебрежении национальными интересами, он холодно спросил:

— Могли бы вы предложить мне больше?

И критики умолкли.

Но вот возникает вопрос: неужели хитрее Флика зверя нет? Чтобы обвести вокруг пальца ведомства, занимавшиеся декартелизацией, особого ума и не требовалось. Ведь эти ведомства скорее помогали

промышленным магнатам уйти от декартелизации, чем пеклись об ее осуществлении. С сыновьями, которым он поручал то одну, то другую роль, дело обстояло еще проще. Старый Фриц до конца дней своих расправлялся с ними, как капрал прусской армии с новобранцами. Однако эти два фактора объясняют далеко не все.

Деяния, а точнее, махинации Старого Фрица могли бы дать пищу доброй дюжине авторов детективных повестей. В этих деяниях прослеживаются все необходимые атрибуты жанра. Есть и ключ к разгадке. Это роль властей предержащих.

По иронии судьбы, которая порой забавляется шаржированием действительности, художавый Флик особенно тесную дружбу водил с государственными мужами корпулентной внешности. Было бы, конечно, смешно утверждать, что он выискивал друзей среди антиподов себе по наружности. Предопределялся выбор реальными условиями. Но факт остается фактом — в нацистском рейхе Старый Фриц дружил с Германом Герингом, в Федеративной Республике — с Францем Йозефом Штраусом. По весу нетто, не говоря уже о брутто, включавшему бесчисленные ордена и маршальский жезл, Геринг превосходил Штрауса.

Преуспевание любого предпринимателя зависит от совокупности различных факторов. Преуспевание промышленника, сделавшего ставку на военное производство, в первую очередь определяется связями с теми, кто вершит политику.

Такая зависимость носит, само собой разумеется, взаимный характер. Есть крылатое выражение: «Кто платит, тот и заказывает музыку». Но это выражение следует рассматривать диалектически, в развитии. Сначала промышленники платили нацистам и заказывали им музыку, но, придя к власти, нацисты

стали распорядителями государственных средств и могли сами решать, кому отдать предпочтение при распределении военных заказов. Флик сумел поставить дело так, что едва ли не самые жирные куски достались именно ему. И достиг он этого в решающей степени благодаря дружбе с Германом Герингом, «наци номер два», как его называли за пределами Германии в годы второй мировой войны. Флик познакомился с ним при посредничестве президента рейхсбанка Ялмара Шахта. «Сухопарый, ненавидящий расточительство промышленник и упитанный, обожавший блеск и славу сластолюбивый нацист явно понравились друг другу», — констатировал автор политической биографии Флика Гюнтер Оггер. Этот вывод подтверждается и авторитетным показанием министерского-директора в геринговском министерстве воздушного флота Эриха Гритцбаха, который выступал в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе по делу номер пять.

— Флик, — сказал Гритцбах, — считался у Геринга абсолютной «персона грата».

Их объединяло духовное родство, которое великолепно уживается и в толстых, и в тонких. И тот, и другой были хищниками первой величины. И тот, и другой не то что могли пригодиться, а просто были нужны друг другу. Флик еще в 1932 году получил аудиенцию у Гитлера и после этого вложил в кассу НСДАП сразу 50 тысяч рейхсмарок. За это нацисты объявили его «гельзенбергскую аферу» «патриотическим поступком». Освятил эту махинацию Флика не кто иной, как Геринг. Вот документальное свидетельство поверенного Флика Одило Буркарта: «Продажа контрольного пакета «Гельзенберг» была лично проверена и санкционирована в 1932 году будущим рейхсмаршалом во время продолжавшихся не один день бесед на Бельвюштрассе. Кроме того, господин Геринг лично

доложил об этом фюреру, который признал сделку необходимой и санкционировал ее».

В то время на Бельвюштрассе помещалась штаб-квартира Флика. В беседах, «продолжавшихся не один день», явно обсуждались не только вопросы скандальной продажи акций. Судя по дальнейшему развитию событий, тогда-то они и спелись, «наци номер два» Герман Геринг и промышленный магнат первой величины Фридрих Флик.

Ежегодно на день рождения Геринга Флик дарил ему картины старых мастеров стоимостью не менее 70 тысяч рейхсмарок. Старый Фриц ловко потакал и слабостям, и страстям могущественного второго лица в нацистском рейхе. В то время как другие стальные бароны на первых порах (и на старуху бывает проруха, не учли они расстановку сил) с опаской следили за созданием крупного государственного металлургического концерна «Герман Геринг», Флик активно поддерживал этот проект. Его собственные предприятия на полные обороты работали над реализацией гигантской программы вооружения Германии, программы, во главе которой стоял Геринг.

Все это не раз помогало Флику в самых сложных ситуациях. Поддержка Геринга сыграла решающую роль не только в захвате владений Печеков. Геринг помог Флику наложить лапу на металлургические заводы «Ромбах» в захваченной в 1939 году у Франции Лотарингии, он же в 1942 году поспешествовал передаче фликовскому концерну ряда металлургических заводов на юге Украины, вагоностроительного завода в Риге. Рейхсмаршал щедро оделял своего друга Флика (Геринг действительно называл Флика своим другом) военной добычей разбойничьего вермахта. Помог приобрести кое-что и «по мелочам». Например, дворянское поместье «Бэренфельде» площадью 2700 гектаров Флик при личном содействии Геринга получил

за баснословно низкую цену. Они умели порадовать один другому.

Отношения между Фликом и Герингом отражали альянс между милитаристами и обеспечивающими их орудиями массовых убийств магнатами индустрии. Как известно, термин «военно-промышленный комплекс» ввел в политический лексикон президент США Дуайт Эйзенхауэр. Он имел в виду всеподавляющую власть государственной бюрократии, высокопоставленных военных и фабрикантов оружия в своей стране. Позднее понятие «военно-промышленный комплекс» стало применяться для характеристики зловещего союза милитаристов и промышленников в других государствах капиталистического мира.

Степень влияния военно-промышленного комплекса на государственную политику в различных странах неодинакова. В ФРГ кривая этого влияния достигает высших отметок, как правило, в те периоды, когда в правительстве первую скрипку играет блок ХДС/ХСС. Именно в эти периоды политический дирижер западногерманского военно-промышленного комплекса Франц Йозеф Штраус проявлял особую активность. Он неизменно стремился воплотить в реальность все партитуры, предложенные воротилами военного гешефта. Впрочем, он и сам не чурался «творческих начал».

В Западной Германии Штрауса частенько называли королем Баварии. Основанием для этого служил тот факт, что эта земля была его политической вотчиной. Там действует младший брат Христианско-демократического союза, официально опирающегося на сторонников протестантизма, — католический Христианско-социальный союз, который более четверти века, с 1961 года по 1988 год, до самой его кончины, возглавлялся Штраусом. Политические различия между ХДС и ХСС значительно меньше, чем между протестан-

тами и католиками. Оба союза верой и правдой служат крупному капиталу, а поскольку в послевоенные годы центр военной промышленности сосредоточился в Баварии, не в последнюю очередь потому, что этому всячески способствовал Штраус, ее, эту индустрию, и чтит ХСС едва ли не больше (на практике, безусловно, больше), чем пресвятую деву Марию.

Рыбак рыбака видит издалека. Флик еще сидел в тюрьме в Ландсберге и накладывал заплатки на изношенные сапоги собратьев по тюрьме, а его люди уже установили первые контакты со Штраусом. Именно он, тогда еще только поднимающийся по ступенькам политической карьеры, но уже могущественный человек в Баварии, повелел оказать щедрую финансовую помощь Флику в махинациях с «Максимилиансхютте».

Все на свете имеет свои причины, в том числе и благоволение властей. Сколь бы ни были чужими деньги налогоплательщиков, разбрасываться ими направо и налево ни один политический деятель, всерьез думающий о своей карьере, не станет. Герингу Флик был нужен потому, что обеспечивал программу вооружений. Есть объяснение и того, почему баварское правительство в деле с «Максимилиансхютте» по совету Штрауса охотно сыграло с Фликом в поддавки.

Штраус довольно долго лелеял мечту приобщить Западную Германию к ядерному оружию. Он многие годы сетовал по поводу того, что ФРГ, дескать, будучи гигантом в экономическом отношении, оказывается карликом в политическом плане. И даже когда Штраус не говорил об этом вслух, он, похоже, всегда об этом думал.

А Флик еще весной 1950 года, сидя в тюремной камере, приказал развернуть подготовительные работы по разведке урана в Вайсенштадте, близ Фихтельгебирге, на рудниках, принадлежавших... совершенно правильно, вы угадали — «Максимилиансхютте».

Новоявленная Федеративная Республика еще путалась в пеленках оккупационного статута и не вышла из возраста грудного младенца — ей не исполнилось года, еще продолжались суды над военными преступниками, — а Флик уже приступил к осуществлению заветной, но несбывшейся мечты фюрера о создании «сверхоружия», как закодированно называли атомную бомбу.

Чутье прожженного хищника не обмануло его и на этот раз. У него сразу же нашлись единомышленники в сфере политической жизни. Первым среди них был Штраус.

Казалось бы, уж эта авантюра Флика никак не может осуществиться. В то время западные оккупационные державы следили за тем, чтобы западногерманская промышленность не выходила за пределы дозволенного. Допустить ФРГ до обладания атомом и сейчас не хотят даже те, кто объясняется Бонну в любви. Но...

— Несмотря на тогдашний запрет в законах, изданных союзными оккупационными властями, — поведал несколько лет спустя Одило Буркарт, — Фридрих Флик вместе с руководителем американского отдела союзной службы безопасности в Берлине мистером Келли взял на себя риск финансировать поисковые работы и скрыть их от органов безопасности западных союзников.

Нетрудно догадаться, что при помощи такого человека, как мистер Келли, скрыть поисковые работы было не так уж и сложно, поэтому риск можно считать минимальным.

Задержим внимание на этом факте, задумаемся над ним. Американские секретные службы, как мы знаем и из событий самого последнего времени (вспомним хотя бы «ирангейт», дело о тайной продаже оружия Ирану, выручка от которой шла на секретное финансирование никарагуанских «контрас»), своими нечисто-

ными делами не раз вызывали у высших представителей администрации острую головную боль. Но эта боль являлась результатом не самих постыдных деяний, а их огласки.

Секретные службы, что бы на этот счет ни говорили в США, самодеятельностью не занимались и не занимаются. Они — тайное средство осуществления сокровенных политических целей. И то сотрудничество, которое установилось между военными преступником Фликом и мистером Келли, было не просто логическим развитием отношений к главному обвиняемому по делу номер 5 в Нюрнбергском трибунале, но и стремлением подключить вчерашних врагов к оснащению арсеналов «холодной войны» даже ядерным оружием. В антисоветской политике правящих кругов США тех лет все средства считались хороши.

27 октября 1956 года Одило Буркарт, ставший генеральным директором «Максимилиансхютте», торжественно вручил вновь назначенному министру обороны Францу Йозефу Штраусу первые изготовленные в ФРГ урановые стержни.

3 Семь смертных грехов

В 1965 году в гамбургском издательстве «Наннен» вышла книга публициста Себастьяна Хаффнера «Семь смертных грехов германского рейха». Эта книга наделала много шума. По данным журнала «Шпигель», она вошла в число бестселлеров. Но воспринимали эти «Семь грехов» читатели вовсе не одинаково. Одни по прочтении глубоко задумывались, другие качали головами, выражая сомнения в хаффнеровской постановке вопроса, третьи метали громы и молнии, предавая анафеме и публициста, и его книгу.

Себастьян Хаффнер, бывший постоянным автором политических комментариев в журнале «Штерн», не просто обвинил Федеративную Республику в том, что она «не извлекла правильных уроков из трагедий предшественников», что «политика Гитлера была невыносимым вариантом огрубления неправильной политики кайзеровской империи, а политика Аденауэра была скорее ее утонченным вариантом, но в основе своей это была та же политика». Хаффнер не только громко выразил столь «крамольные» мысли, но и публицистически ярко, исторически точно и философски убедительно доказал их.

Первый смертный грех германского рейха, из которого вытекают все остальные, писал Хаффнер, состоит в том, что Германия безосновательно почувствовала себя неудовлетворенным государством. Грех второй заключается в том, что даже в условиях мира Германия мысленно постоянно вела войну, все время ставила цели, достижимые только путем войны. Третий смертный грех, ставший причиной сокрушительных военных

поражений,— переоценка собственных сил и возможностей. Четвертым смертным грехом Хаффнер называет моральную самопереоценку немцев, под которой он подразумевает «наивность попыток оправдать себя и требований, чтобы мир, которому они бросили вызов, с которым зверски обращались и который в конце концов победил их, оставил содеянное ими без последствий, словно все это было их добрым правом». Пятый смертный грех — это потеря чувства реальности. Шестой — неправильное в основе отношение к окружающему миру. Седьмым и последним смертным грехом, «обусловленным и прежде и теперь первыми шестью», подчеркивает Хаффнер, была и остается трусость разума в Германии. «Дерзость неразумности и трусость разума,— заключает автор,— привели к тому, что не только жертвы обеих мировых войн оказались принесенными попусту, но впустую пошли и уроки двух поражений».

Для полноты картины отмечу, что Хаффнер среди германских политических деятелей XX века называет только одного, который основывал политику на фактах и только на фактах. «Поэтому,— считает Хаффнер,— он стал самым успешным немецким политиком нашего столетия. Его имя — Ульбрихт».

Напомню, книга написана в 1965 году и посвящена историческому анализу политики германского рейха и ее отражению в ФРГ. С тех пор, конечно, и там, на Рейне, не все осталось по-старому. Та же СДПГ, которую Хаффнер отхлестал по обеим щекам за политическую трусость в годы первой мировой войны, чего она, безусловно, заслуживает, на рубеже 70-х годов нашла в себе силы и мужество занять принципиальную позицию, основанную на фактах и действительности, и в первую очередь признать территориальные и политические реальности, сложившиеся в результате и после второй мировой войны. Сегодня эти реальности офи-

циально признает и блок ХДС/ХСС. Жизнь берет свое, и на Рейне сегодня многое меняется. Заслуживает внимания хотя бы тот факт, что ФРГ внесла свой положительный вклад в выработку советско-американского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. И все же о преодолении семи смертных грехов говорить рановато.

Эти семь грехов остаются, и, хотя они присущи всему военно-промышленному комплексу ФРГ, едва ли не больше всех в них повинен концерн Флика.

Старый Фриц отлично сознавал, к чему ведут дело нацисты, и без промедления предоставил свои предприятия к их услугам. Уже 5 декабря 1933 года Фридрих Флик приветствовал в Лауххаммере военного министра гитлеровской Германии генерала фон Бромберга и его свиту. Заранее предвкушая огромные заказы, Флик расхваливал свои возможности как ярмарочный зазывала.

— Несомненные преимущества нашей группы заводов, если принять во внимание ваши цели,— хвастался Флик,— я усматриваю в следующем: в обширности и разносторонности производственной программы; наши предприятия расположены в безопасной с военной точки зрения зоне; особенно я подчеркиваю нашу независимость от заграницы в снабжении сырьем заводов, а также их независимость от тех сырьевых районов, которым может угрожать опасность в «случае — А».

Флик даже овладел специальной терминологией. «Случай — А» на языке министерских чинов означал войну. Флик давал понять, что готов внести самый активный вклад в подготовку к ней.

— Вы можете не сомневаться,— заверял он министра,— что я и мои сотрудники сделаем все, чтобы наши заводы наилучшим образом выполнили поставленные задачи.

Это не было пустой похвалой. Флик действительно ревностно выполнял все заказы имперского министерства обороны, и заказчики, как зафиксировано в документах, датированных маем 1935 года, были довольны своим вторым по значимости — после Круппа — поставщиком.

Промышленная империя Флика раскинулась от Рура до Саксонии, от Баварии до Любека. В 1939 году она уже давала больше стали, чем концерн пушечного короля Круппа. По производству бурого угля Флик прочно и безоговорочно занимал первое место, а по добыче каменного угля за ним было второе место. Третья часть промышленной империи состояла из чрезвычайно прибыльных предприятий обрабатывающей промышленности. Они производили больше мин, снарядов и пушечных стволов, чем какие-либо другие немецкие заводы, за исключением крупповских. С 1938 года предприятия Флика приступили к выпуску корпусов и башен танков. «По этой группе продукции, — хвастливо подчеркивалось во внутреннем отчете концерна за 1939 год, — наша группа стоит ныне впереди всех германских предприятий».

Старый Фриц охотно брался за производство любых видов военной продукции. Ему принадлежала ведущая роль и в самолетостроении, и в химической промышленности.

В предвоенные годы в западноевропейских кругах господствовало мнение, что вооружение современного государства можно осуществить в срок, равный четырем годам. Острослов Черчилль писал так: «В первый год — почти ничего; во второй — очень мало; в третий — значительное количество; начиная с четвертого — столько, сколько нужно». Если принять эту формулу, уже в 1940 году Германия находилась на четвертом году процесса вооружения и споспешествовали этому крупнейшие дельцы, которых нацистский режим

в знак признательности возвел в ранг «вервиртшафтсфюреров» — «вождей военной промышленности». Имел этот титул и Флик. Геббельсовский еженедельник «Дас рейх», особо выделяя его обладателя, патетически восклицал, что «нет другого человека, который столь заслуженно получил чин вервиртшафтсфюрера, как Флик».

Активное соучастие в гитлеровской агрессии отозвалось для Флика не только Нюрнбергским процессом. Еще раньше, вскоре после нападения Германии на Советский Союз, судьба нанесла производителю вооружений безжалостный удар.

Флик жил войной, как жила ею маркитантка Кураж из пьесы Бертольта Брехта «Мамаша Кураж». И от этой войны, пусть не в такой степени, как незадачливая торговка, которая потеряла всех детей, пострадал и Фридрих Флик. В 1941 году на Восточном фронте был убит лейтенант Рудольф Флик, средний сын магната. Биографы Старого Фрица до сих пор гадают, почему он не обеспечил второму по старшинству сыну бронь, которую без труда получил для первенца Отто Эрнста. В книгах неизменно фигурирует сентиментальная фраза о том, что известие о смерти сына потрясло магната, приводится высказывание племянника Флика Бернхарда Вайсса на Нюрнбергском процессе: «Иногда казалось, что он бросил все дела на произвол судьбы...»

Можно согласиться, что гибель сына не оставила Фридриха Флика равнодушным. Он был человеком, а не исчадием ада в хрестоматийном изображении. Но вот ведь что характерно — не извлек он из гибели сына урока. Фридрих Флик, имевший ученую степень доктора, в отличие от безграмотной Кураж, принципиальных выводов не сделал. Он продолжал кормить войну вплоть до полного краха нацистского государства, а после образования Федеративной Республики Герма-

нии, невзирая на урок, полученный на жесткой скамье Нюрнбергского трибунала, Флик снова стал раздувать мехи кузницы войны. Он и после поражения рейха продолжал курс на изготовление орудий смерти, нисколько не задумываясь о судьбе тех, кто может сгореть в новом огне.

Еще дымились развалины и не заросли могилы неизвестных солдат, еще сам Флик смотрел на бесконечность неба сквозь зарешеченное тюремное окно в Ландсберге, а его предприятия уже начали ковать доспехи для новой войны. Следы Флика просматриваются на всех кривых дорожках, по которым военно-промышленный комплекс ФРГ пытается подобраться к ракетно-ядерному оружию.

«Даже в условиях мира,— пишет Себастьян Хаффнер,— Германия мысленно постоянно вела войну... Она неизменно была готова использовать открытую или замаскированную угрозу войны как обычное политическое средство... Германия горделиво шествовала в своих сверкающих доспехах. Все это создавало в конце концов атмосферу постоянной напряженности и ожидания войны — короче, предвоенную атмосферу. Такова была германская политика на протяжении 10—20 лет, предшествовавших первой мировой войне. Федеративную Республику Германии сейчас, в свою очередь, упрекают в милитаризме. Упрек порожден постоянным стремлением ФРГ получить доступ к ядерному оружию. Но это стремление мир воспринимает как политику силы и войны, как незримую войну в условиях мира. Можно ли утверждать после этого, что упрек неоснователен?»

В то время западногерманские предприниматели от Фридриха Флика и Герберта Квандта до рурских династий Ханиэль и Хенле, от «Сименса» до «Рейншталь», от авиастроителей братьев Дорнье на Боденском озере до судостроителей Блом на Эльбе вновь, отбросив

фальшивую маску стыда, которую они поспешили натянуть на себя в 1945-м, не стесняясь, выпускали продукцию для войны.

— Наша мораль? — иезуитски вопрошал инженер-ракетчик Людвиг Бёльков. И тут же сам давал ответ: — Мы решаем проблемы, которые ставят военные. Мы играем в войну.

Еще раз напомним: Хаффнер охарактеризовал «семь смертных грехов» в 1965 году. Но и в начале 1974 года, когда в бундестаге обсуждался вопрос о ратификации Федеративной Республикой Договора о нераспространении ядерного оружия, Штраус руководил хором противников этого договора. Он без околичностей заявлял, что договор преграждает, дескать, путь к созданию в будущем европейских ядерных сил с включением в них ФРГ. Бурный в проявлении эмоций и не ведавший сдержанности в навешивании ярлыков, Штраус называл Договор о нераспространении ядерного оружия «новым Версалем».

Нельзя пройти и мимо того факта, что одним из солистов хора противников Договора о нераспространении ядерного оружия в 1974 году был начинавший, но начинавший бурно политическую карьеру деятель из правого крыла ХДС Манфред Вёрнер. Не прошло и десяти лет, как он стал министром обороны ФРГ.

В настоящее время Вёрнер является генеральным секретарем Североатлантического союза. И хотя в наше время свежие ветры проникают и в штаб-квартиру НАТО, Манфред Вёрнер остается верен интересам военно-промышленного комплекса.

Живуч смертный грех, не иссяк соблазн щеголять в сверкающих доспехах. И если сегодня Фридрих Карл Флик, продавший свой концерн, сам не кует эти доспехи, то его бывшие предприятия, да и не только они, делают это с не меньшим рвением, чем 20 или

50 лет назад, приведя в соответствие с требованиями времени технологию производства.

Возвращаясь к вопросу о том, что Флик — имя нарицательное, которое вполне может служить синонимом для практически любого представителя военно-промышленного комплекса, можно без малейшего риска назвать одним из новых фликов администраторов промышленного концерна «Лейболд-Хереус» доктора (ах, как дельцы от индустрии любят именоваться докторами!) Отто Хайлингбрунера и Готтара Лерха. Фирма «Лейболд-Хереус», констатировал журнал «Штерн» весной 1987 года, уже почти десять лет тайно поддерживает деловые контакты с производителями атомных бомб в Исламабаде. Только в 1982 году этот кельнский промышленный концерн поставил оборудование для пакистанского завода по производству атомных зарядов на общую сумму в 6 миллионов марок. Для второго завода Пакистана по производству бомб фирма «Лейболд-Хереус» взялась поставить все основные установки.

Экспорт такого оборудования запрещен, но более примечательным, чем нарушение соответствующих законов, представляется тот факт, что ФРГ может производить и производит оборудование для изготовления ядерных зарядов, хотя на этот счет существует запрет даже более высокого ранга, чем национальный, — международно-правовой. Цинично нарушая этот запрет, западногерманские концерны впадают отнюдь не только во второй «смертный грех».

Те граждане ФРГ, которые более глубоко прочувствовали и осознали горькие уроки истории, с тревогой обращают внимание на то, что и в самой ФРГ осуществляется подкоп под Договор о нераспространении ядерного оружия.

«Христианские демократы, — писал журнал «Шпигель», — воспринимают этот упрек, как девственница

воспринимает сомнения в своей невинности... Речь идет о том, что «зеленые» и с некоторых пор также социал-демократы предостерегают, что запланированная в Верхнем Пфальце регенерирующая атомная установка (РАУ) в Ваккерсдорфе, предназначенная для восстановления отработанных топливных элементов, в один прекрасный день может быть использована для производства ядерного оружия ФРГ».

Занимается этой установкой компания «Крафтверкунион», дочерняя фирма концерна «Сименс». Так и напрашивается восклицание: «Ба! Знакомые все лица!»

Остается добавить, что одним из наиболее решительных сторонников планов создания РАУ являлся Штраус.

В середине августа 1984 года французский журнал «Пуэн» сообщил, что западногерманская фирма «Орбиталь транспорт унд ракетен» (ОТРАГ) испытывает в Африке боевые ракеты. ОТРАГ провела засекреченные испытания новой ракеты промежуточной дальности в Заире и на севере Африки.

Еще 17 мая 1977 года в 10 часов 15 минут по местному времени на ракетной базе в заирской провинции Шаба в Манано, на плато высотой 1300 метров, расположенном к западу от озера Танганьика, в воздух поднялась ракета «ОТРАГ-1».

Генеральный директор фирмы Лутц Кайзер уверял, что ОТРАГ разрабатывает дешевые ракеты сугубо мирного назначения.

«Наша цель,— витийствовал Кайзер,— заключается в том, чтобы производить дешевые ракеты и предложить свои услуги для запуска искусственных спутников со стационарной или обычной орбиты, выведение которых обошлось бы клиенту в два раза меньшую сумму, чем требуемая американцами, или стоимость европейской ракеты «Ариана». Наша ракета — это

своего рода грузовик, в то время как «Ариана» — это гоночная машина».

В 1978 году, когда разгорелся мировой скандал вокруг ОТРАГ, канцлер Шмидт сетовал, что деятельность фирмы «отягощает внешнюю политику ФРГ». «Федеральное правительство, — передавало агентство ДПА, — делает все, чтобы отмежеваться от фирмы ОТРАГ. Оно отмечает, что ОТРАГ не получает никакой помощи из государственной казны».

Мягко говоря, эти уверения были не совсем точны. А если говорить прямо, то совсем неточны. «В проект Кайзера, — сообщала «Зюддойче цайтунг», — вложили свои деньги многочисленные частные лица, вложил кое-что и Бонн».

Это «кое-что» исчисляется несколькими миллио-нами.

Без трех с половиной миллионов марок (точно — 3 миллиона 570 тысяч), которые федеральное министерство научных исследований выделило на разработку ракетного двигателя (по определению «Шпигеля», это был «решающий час для фирмы Кайзера»), ОТРАГ не была бы создана. Правительственные субсидии к началу 1974 года составили 4 миллиона 300 тысяч марок. А в 1974 году правительство земли Гессен дало возможность богачам вместо того, чтобы платить налоги, вкладывать деньги в ОТРАГ. 600 акционеров, обкрадывая государственную казну, щедро пополняли бюджет фирмы. Глава земельного финансового ведомства Рейнгольд Хок предоставил фирме налоговые преимущества в размере минимум 240 процентов. На практике это означало, что вкладчики при соответствующем участии получали от финансовых органов больше, чем вкладывали в ОТРАГ. Да на таких условиях и скупердяй раскошелится.

Деньги из государственной казны текли на счета ОТРАГ постоянно. Летом 1977 года под соусом «оп-

латы за транспортные услуги» (самолеты, принадлежащие ОТРАГ, перевозили грузы для заирских правительственных войск, сражавшихся в провинции Шаба с восставшими) Кайзер получил 945 тысяч марок, без малого миллион. Столь солидная сумма дает веские основания для предположения, что «оплата за услуги» была использована как прикрытие субсидирования.

Аналогичная история произошла и при сооружении моста через реку Лукуга. На это дело из фонда помощи развивающимся странам ракетной фирме Кайзера, прикрывшейся вывеской принадлежащей ей строительной компании «Штевериг», было выделено 10 миллионов марок. «По удивительной случайности,— иронизировал «Шпигель»,— этот мост ведет через реку Лукуга прямо в колонию ОТРАГ».

По действующему в ФРГ законодательству, экспорт «бомб, торпед и ракет» требует специального разрешения. Кайзер многие годы беспрепятственно вывозил в Африку свои ракеты, которые изготовлялись на заводе фирмы близ Штутгарта, и все ему сходило с рук. Больше того, когда ведомство канцлера под огнем критики со стороны многих государств широко-вещательно заявило о намерении внести законопроект, устанавливающий полный запрет на экспорт из ФРГ продукции ОТРАГ, министерство хозяйства потихоньку пустило этот законопроект под откос.

В тот период у ОТРАГ возникли небольшие трудности. Кто-то из чиновников, приняв заявления представителей правительства за чистую монету, притормозил выдачу экспортных лицензий. ОТРАГ тут же обратилась во Франкфурте-на-Майне в адвокатскую контору, где работал бывший кандидат в канцлеры от ХДС Райнер Барцель, и разрешение не заставило себя ждать.

Еще раньше адвокатом ОТРАГ выступил Франц Йозеф Штраус, который уже тогда весьма прибыльно

сочетал пост председателя Христианско-социального союза с креслом председателя наблюдательного совета компании «Дойче аэробус», дочерней компании концерна «Мессершмитт-Бёльков-Блом» (МББ). По просьбе «международного финансиста высокого класса» (такую характеристику дает журнал «Шпигель» Фреду Ваймару) Штраус отправился к президенту Заира Мобуту ходатайствовать за ОТРАГ. Просьба совпала с планами Штрауса. «Христианско-социальный союз и фонд Ганса Зайделя, связанный с этой партией не только духовно,— сообщил в начале 1984 года журнал «Шпигель»,— в середине 70-х годов выбрал Заир главным объектом своей работы за границей». Мобуту принял Штрауса и попросил, как об этом писала «Юманите» в статье «Ракетное сафари Бонна», помочь в закупке для заирской армии франко-западногерманских ракет «Роланд» и «Милан», которые производились концерном МББ.

Что там получилось с ракетами, не совсем ясно, но известно, что Штраус в деле ОТРАГ весьма преуспел. Он узнал, как обрести благосклонность президента Заира. Получив три миллиона марок, предназначенных для придания блеска деревне Гбадалите, где он родился, Мобуту без колебаний согласился предоставить ОТРАГ территорию под полигон. Затем с президентом Заира встретился Ваймар. В его лице предстали уже не только баварские, но и федеральные финансы. После этих встреч Кайзеру оставалось только поставить свою подпись под контрактом.

К «частным лицам» относится и брат Лутца Кайзера Манфред, который (подумайте, какое совпадение!) был коммерческим директором Линдаусского завода, еще одной военной и аэрокосмической фирмы ФРГ — «Дорнье». И как раз незадолго до этого Рольф Крист, представитель фирмы «Дорнье», которая уже тогда разрабатывала ракеты, на вопрос, почему до сих пор

не ведутся испытания, обронил примечательную фразу: «Наша проблема в том, что у нас нет испытательного полигона».

За спиной Кайзера четко обозначились фигуры заправил военно-промышленного комплекса ФРГ. Еженедельник «Тат» писал, что ОТРАГ «самым тесным образом связана с военной промышленностью ФРГ», а журнал «Информационсдинст Зюдлихес Африка» подчеркивал, что ОТРАГ есть не что иное, как результат усилий, прилагаемых с 1946 года для производства западногерманских ракет.

В Заире, как сообщил американский журнал «Пентхауз», с согласия США Западная Германия тайно испытала изготовленные по предоставленной Соединенными Штатами технологии крылатые ракеты и именно это скрывалось всеми средствами. За этим предприятием, констатировал «Пентхауз», стоит весь западногерманский военно-промышленный комплекс, и именно боннское правительство получит в конечном итоге ракеты, создаваемые в Заире. «По сведениям, полученным от высокопоставленных лиц в Западной Европе,— продолжал «Пентхауз»,— ОТРАГ производит крылатую ракету и баллистическую ракету промежуточной дальности для западногерманского консорциума «Мессершмитт-Бёльков-Блом». Полагают, что со временем ракеты будут переданы западногерманским вооруженным силам».

Вот тут-то и началась настоящая «головная боль высшего порядка» у Бонна. Надо было срочно заметать следы.

Кайзер, похоже, сразу же смекнул, что от него требуется, и в интервью агентству ДПА заявил, что вынужден, дескать, считаться с государственными интересами Заира и потому уходит оттуда. Прошло совсем немного времени, и представитель фирмы ОТРАГ в Штутгарте сообщил, что электронное оборудование

с испытательной базы в Заире вывезено и там остались лишь «три-четыре рабочих». (Передавшее эту информацию агентство Франс Пресс заключило в кавычки слова «три-четыре рабочих», чтобы подчеркнуть их принадлежность представителю фирмы. Но в этих кавычках просматривается и ирония — сосчитать до четырех так же просто, как и до трех, и поэтому расплывчатость не может не обратить на себя внимание.) Тогда же Кайзер заговорил о том, что, видимо, придется перебираться «в одну из пяти стран, предложивших свои услуги», но не исключал и такой ситуации, при которой он будет вынужден продолжать испытания ракет, запуская их с корабля в Мировом океане.

До скандала Кайзер слыл беспредельно охочим до рекламы. Залпы его интервью раскатывались телеграммами крупнейших западных информационных агентств и покрывали обширные площади в журналах и газетах от парижского «Пари-матч» до выходящей в Коломбо газеты «Сан», не говоря уже о прессе ФРГ. Но в последние годы он всячески избегал общения с прессой. Слово воды в рот набрал. От ОТРАГ доходили лишь зыбкие расплывчатые слухи, будто она обосновалась не то в песках Сахары, не то ищет пристанища в прериях Южной Америки.

«Пуэн» пробила завесу молчания. Оказывается, ОТРАГ из Заира и не уходила, а терпеливо ждала своего часа. Он наступил, когда совет Западноевропейского союза, этой военно-политической организации, созданной для легализации возрождения вооруженных сил в ФРГ, отменил для ФРГ запрет на производство стратегической бомбардировочной авиации и баллистических ракет.

Официальный представитель Бонна в совете ЗЕС заявил, что у федерального правительства нет намерения воспользоваться этим решением.

В это время ОТРАГ запускала в Африке новые ракеты промежуточной дальности.

В деле ОТРАГ на слуху у публики были имена малоизвестных лиц. Лутц Кайзер выдавал себя за изобретателя, но в научных кругах его прожекты вызывали откровенный смех. Он явно был подставной фигурой, таким зиц-председателем типа Фунта из «Золотого теленка». Более солидно выглядел Отто Хайлингбруннер, но тот факт, что он незамедлительно переориентировал купленный им завод «Шарлоттенхютте ГмбХ» на выпуск военной продукции, а следовательно, вошел в отнюдь не расступающийся перед каждым встречным и поперечным круг воротил военной промышленности, дает основание предположить, что без могущественного покровителя не обошлось и здесь.

Похоже, и это не просто догадка, а так подсказывают факты, этим покровителем был не кто иной, как Флик.

В феврале 1989 года журнал «Шпигель» признал, что, как и в деле ОТРАГ, поставки Пакистану запретной технологии не обошлись без правительственных служб. Перечислив едва ли не дюжину средних предприятий, поставлявших в течение многих лет технологическое оборудование и материалы для Пакистана, «Шпигель» отметил, что очень часто они действовали «с официального одобрения Бонна». Журнал, в частности, привел пример, как федеральное ведомство по вопросам экономики в Эшборне дало разрешение на экспорт фрезерного станка с электронным управлением, который, по убеждению экспертов, может использоваться для производства компонентов схемы ядерного взрывного устройства. По данным «Шпигеля», в тайных сделках с Пакистаном был замешан и ядерный исследовательский центр в Карлсруэ, который на 90 процентов находится в ведении государства.

Этот центр, писал журнал, поставлял части спектрометра массы.

Скандал из-за поставок в страны «третьего мира» частей ядерных установок вызвал крайне неприятные для правящих кругов вопросы. Еженедельник «Парламентариш-политишер прессединст» писал об «усиливающихся подозрениях о том, что речь шла не «только» о мирном использовании атомной энергии». Подчеркивалось, что контролировать технологию производства атома невозможно, что пресечь ее распространение нельзя и есть только один надежный способ положить конец опасной деятельности — запретить ее. Но, констатировал «Парламентариш-политишер прессединст», этого-то правительства земель, возглавляемые ХДС, и не хотят.

Соответствующие официальные лица незамедлительно изобразили возмущение. От ОТРАГ отkreщивались не менее рьяно, но эмоции не опровергают фактов. А они, помимо прочего, свидетельствуют о живучести тех смертных грехов, о которых говорил Хаффнер.

4 Главный кузнец оружия

В бумагах, которые тщательно укрываются от общественности, просматриваются весьма любопытные связи концерна «Лейболд-Хереус», производящего оборудование для заводов, которые изготавливают ядерные заряды, с предприятиями, входившими в концерн «Фридрих Флик КГ». Еще явственнее следы этого концерна проступают в бухгалтерских книгах компании «АРБЕД-Сааршталь». Она окольными путями поставила Пакистану сверхтвердую сталь для газовых центрифуг, необходимых в атомной промышленности. «АРБЕД-Сааршталь» продала 880 килограммов сверхтвердой стали, из которой можно изготовить несколько десятков тонкостенных центрифуг. Продала через подставных лиц в Кёльне и Эрлангене, у которых давно сложились прочные связи с «Фридрих Флик КГ». В металлургической и машиностроительной промышленности ФРГ щупальца концерна Флика проникали повсюду.

Что же касается ОТРАГ, то есть все основания считать, что именно Флик субсидировал ее создание и работу. Финансирование ОТРАГ в значительной степени, как указывалось, осуществлялось через «фонд Ганса Зайделя», а распоряжался этим фондом Христианско-социального союза все тот же Франц Йозеф Штраус.

Благоволение короля Баварии к тем, кто в обход законов и обязательств ФРГ искал пути к получению ракетно-ядерного оружия, нельзя назвать даже «секретом Полишинеля», ибо сам король не делал из этого никакой тайны. Такое благоволение имеет большое

значение. Оно в первую очередь обеспечивает политическую поддержку. Фактор существенный. Однако без прозаических денег, без «презренного металла» и такая поддержка в полном смысле недорогого стоит.

Ну в самом деле. Хлопал Франц Йозеф Штраус Лутца Кайзера по плечу, договаривался с Мобуту о том, чтобы тот приветил президента ОТРАГ, но все эти жесты и слова обязательно, всенепременно должны были быть подкреплены материально. Дружеские объятия не заменят оборудование, а «рекомендательные письма» без вложения в них чеков с выразительными цифрами в лучшем случае вызовут ответное, не менее любезное, но такое же пустое послание.

Нужны деньги. Большие деньги. И Штраус черпал их из «фонда Ганса Зайделя». На память приходит анекдот про жулика, запускавшего руку в казну. Когда его спросили, откуда у него дача, машины, бриллианты и другие ценности, он ответил, что деньги дала жена. «А где она их взяла?» — «В тумбочке», — был ответ. Из такой вот «тумбочки» Штраус черпал средства двумя руками. И на вопрос, откуда берутся эти деньги, ответ был бы не менее наивно-простодушным, чем в анекдоте. Он ни за что не признал бы, что деньги в этот «фонд» нарастающим потоком текли из военно-промышленных концернов, среди которых «Фридрих Флик КГ» выделялся особой щедростью.

По самым скромным подсчетам (скромность объясняется тем, что расследователи не проявили пылкого желания копать глубоко), Франц Йозеф Штраус получил от концерна Флика 950 тысяч марок. Это деньги, которые были переданы ему лично. Сколько же было переведено на счет «фонда Ганса Зайделя»? Есть мнение, что 950 тысяч — это надводная часть айсберга «пожертвований» Флика. Следовательно, примерно десятая часть.

В бухгалтерских книгах концерна Флика черт ногу сломит, пока будет разбираться в хитросплетениях закодированных записей. Но констатируем факт — Флик давал деньги «фонду Ганса Зайделя», а фонд субсидировал ОТРАГ. Следовательно, ракетная фирма Кайзера получала деньги от Флика, и вряд ли найдется хоть один простак, который поверит, что со стороны военно-промышленного концерна «Фридрих Флик КГ» это было бескорыстным благодеянием, а не расчетливым вложением капитала в тайное производство, сулящее жирные барыши.

Там, где источается зловонный запах замешанного на крови военного бизнеса, Флик тут как тут. Поскольку именно Флик был главным поставщиком оружия для гитлеровской агрессии, никто лучше него не знал, какие возможности для извлечения прибылей заложены в военном производстве.

Порой даже люди, глубоко изучавшие деятельность концерна «Фридрих Флик КГ», склонны были утверждать, будто Старый Фриц всегда жаждал максимальной прибыли, но ему, дескать, было безразлично, на чем ее можно получить — на туалетной бумаге или танках. Но это мнение не представляется убедительным хотя бы уже потому, что, не брезгуя и ширпотребом, Флик откровенно отдавал предпочтение военной технике. Его фирма «Ауто унион» поставляла западногерманскому войску вездеходы «Мунго», «Даймлер-Бенц» производила разнообразные грузовики, «Динамит Нобель» выпускала боеприпасы — от патронов до ракетных боеголовок и разрабатывала «легкую артиллерийскую ракету». Не брезговал Флик и тайной контрабандной торговлей оружием. Он поставлял боеприпасы в государство апартеида ЮАР и в Израиль. У него всегда было особое чутье на военный гешефт.

Чахлый мюнхенский заводик грузовых автомобилей

и локомотивов «Краус-Маффей», который достался Флику в качестве приложения к крупнейшему литейному заводу «Айзенверке Будерус», заводик, на который прежде владельцы смотрели чуть ли не как на обузу, стал для Старого Фрица источником баснословных барышей.

Успеху способствовали расчет и дружба со Штраусом, солидно подкрепленная предоставленным ему пакетом акций завода «Краус-Маффей».

«В бытность Штрауса федеральным министром обороны,— констатировал журнал «Штерн»,— Бавария стала главной «кузницей оружия», а Флик — «главным кузнецом».

В этом определении все точно. Да, экономический взлет промышленного района Мюнхена был в решающей степени следствием развития военной промышленности. Да, Флик был первым среди руководителей этой промышленности. Но потому его имя и является нарицательным, что в нем, в его неумолимой погоне за военными заказами, в его решающей ставке на военное производство отражаются методы действий и целевые установки весьма влиятельного и в сегодняшней ФРГ клана кузнецов войны.

Вокруг того же Мюнхена кроме концерна «Фридрих Флик КГ» обосновались «Мессершмитт-Бёльков-Блом», «Сименс», «Роде унд Шварц», «Дорнье», «Ман»... Все воронье слетелось в вотчину короля Баварии. А король и сам был не прочь погреть руки около горнила военной кузницы. Он входил в состав административного совета «Дойче аэробус» и «Эйрбас индастриз», производящих самолеты, а также в состав административного совета «Интернэшнл компьютер лимитед» и других.

В начале 60-х годов западногерманский бундесвер пожелал оснаститься танками национального производства. Речь шла о заказе, сулившем промышленни-

кам многомиллиардные прибыли. Мелкие и средние фирмы и не пытались претендовать на него. Видя, как в схватку вступили такие гиганты, как концерны Квандта и Флика, они молча стояли в стороне, сглатывая слюну алчности и сверкая очами от зависти. А Квандт с Фликом сплелись в схватке, как два тигра, из которых один должен победить.

Объективные преимущества были на стороне Квандта. Не сказать что огромные, но все же преимущества. А заказ достался не ему, а Флику. Решающую роль сыграли два фактора. То, что завод «Краус-Маффей» находился в столице Баварии Мюнхене, и то, что он принадлежал концерну Флика. Решал-то ведь Штраус.

Флик сорвал куш если не века, то уж десятилетия безусловно. Только от бундесвера он получил заказ на 2200 танков «леопард». Вскоре Голландия, Бельгия и Норвегия пожелали приобрести 863 боевых машины. Италия одна заказала 800 танков. Итого — 3863. Умножьте эту цифру на 1 миллион 400 тысяч, такова стоимость каждого фликовского «леопарда», и получите сумму выручки. По подсчетам экономиста Герберта Концока из Гамбургской высшей школы бундесвера, норма прибыли у фирмы, выпускающей танки, превышает 30 процентов. К этому нелишне добавить, что значительная часть «леопардов» для бундесвера оплачивается вперед.

Влачивший жалкое существование завод достиг масштабов крупной компании. Выпуск танков «леопард» увеличил оборот «Краус-Маффей» в 3 раза.

Когда через полтора десятка лет был создан танк «Леопард-2», и вопроса не существовало, кто его будет изготавливать. Конечно, «Краус-Маффей». Бундесвер сразу запросил 1800 машин. Не заставили себя долго ждать и зарубежные заказчики. Голландия захотела получить 445 танков. Вооруженные силы Швейцарии не удержались от соблазна раскошелиться на 420 «Лео-

пардов-2». Коммивояжеры фирмы «Краус-Маффей» добрались аж до Саудовской Аравии.

Вторая модель «леопарда» на первых порах стоила вдвое дороже, чем первая. Каждый танк обходился казне в 3 миллиона 500 тысяч марок. К 1986 году цена подскочила еще на 2 миллиона. При желании подсчитать выручку совсем нетрудно. Но известно, что аппетит приходит во время еды.

— Заказов боннского правительства и правительства других стран НАТО недостаточно для загрузки нынешних производственных мощностей,— сетовал член правления «Краус-Маффей» Герхард Хаас.— Вот почему было бы желательно, чтобы боннская политика в области экспорта вооружений не имела ограничений.

В 1961 году, чтобы успокоить международную общественность, в ФРГ был принят Закон о контроле над оружием, который запрещает военный экспорт в «районы конфликтов». Это отнюдь не означает, что такого экспорта не было. Но вот уже не менее десяти лет ставится вопрос о необходимости отбросить все ограничения. И вместе с промышленниками за это ратовал Штраус.

— Наша сдержанность,— заявлял он,— это глупость, подрывающая политические, экономические и военные интересы ФРГ.

Штраус собственной персоной ездил в Саудовскую Аравию, где выступал в роли коммивояжера по продаже танков «Леопард-2». На Ближний Восток военно-промышленный комплекс ФРГ возлагает особые надежды, нисколько не задумываясь о том, что там и без того горючего материала более чем достаточно.

— Наибольшие успехи в экспорте оружия из ФРГ были достигнуты в экспорте танков и бронетранспортеров,— констатировал сотрудник Стокгольмского международного института по исследованиям проб-

лем мира М. Бшошка.— И эти успехи объясняются, главным образом, достижениями ФРГ в автомобилестроении, в конструировании надежных коробок передач и т. п.— все они, вместе взятые, позволяют создавать самые быстроходные, самые мобильные танки.

Ничего не скажешь, постарался Старый Фриц. В военном бизнесе в своей стране он победил всех — и старых пушечных королей, и их преемников. После поражения в битве за заказ на «леопарды» концерн Квандта стал хиреть, как дерево с обрубленными корнями. Закон капиталистических джунглей неумолим. «Пусть проигравший плачет, кляня свою судьбу».

А Флик, уже не Старый Фриц, а Фридрих Карл в 1985 году, под занавес существования промышленной империи, продал акции «Краус-Маффей» авиационной фирме «Мессершмитт-Бёльков-Блом» и при этом сорвал жирный куш. Для этого по примеру папаша Фридрих Карл уже в который раз в истории концерна прибег к игре на националистических настроениях. Распустив слух, что за «Краус-Маффей» ему сулят огромные суммы английский концерн «Виккерс» и американский «Юнайтед технолоджис», он заставил владельцев МББ поглубже опустить руку в карман. Доходы превыше всего!

Военное производство всегда занимало ведущее место в номенклатуре товаров концерна «Фридрих Флик КГ».

Если для брехтовской мамыши Кураж жестокие уроки не прошли бесследно, то про Флика этого сказать никак нельзя. Он вновь и вновь ставил на карту жизнь детей и судьбу страны. И все это только во имя прибыли. Чудовищно, но факт.

Фридрих Карл Флик унаследовал от отца не только состояние, но и методы. В том числе, если не в первую очередь, и дружбу со Штраусом, и, в соответствии с семейными традициями, тешил некорона-

ванного короля Баварии произведениями искусства. На 60-летие Штрауса ФКФ подарил ему модель лошади из чистого серебра стоимостью в 60 тысяч марок.

Конечно, такой подарок — мелочь, ведь Штраус не мог не знать, что генеральный уполномоченный концерна «Фридрих Флик КГ» 2 июля 1980 года заверил генерального секретаря ХСС Штойбера в том, что «предоставление любой помощи Францу Йозефу Штраусу является для нас самым первоочередным делом из всего, что только мыслимо». Но и серебряная лошадь хоть и пустячок по сравнению с таким широковещательным обещанием, но пустячок приятный.

Они повязаны одной пуповиной — министры и владельцы военных концернов.

Это была дружба, не сказать нежная, но, безусловно, тесная. И, как показывают факты, весьма полезная для обеих сторон. Франц Йозеф Штраус с гордостью говорил, что Фридрих Флик, умирая, рекомендовал своему сыну Фридриху Карлу перед принятием крупных решений советоваться с ним, Штраусом, «чтобы иметь представление об общем политическом положении».

«Советоваться» — это сказано слишком мягко. На самом деле Фридрих Карл Флик согласовывал свои действия с Францем Йозефом Штраусом. В ноябре 1969 года ФКФ вместе со своим экономическим соперником, но политическим единомышленником Гербертом Квандтом был участником закулисной встречи, которую организовал Штраус для обсуждения путей свержения федерального правительства, составленного из коалиции социал-демократов и свободных демократов. Альянс активно действовал и в экономической сфере.

Когда в середине 70-х годов концерн решил продать «Максимилиансхютте», на обеде со Штраусом люди Флика обсудили и этот вопрос. Штраус недоб-

рожелательно отнесся к проекту продажи металлургических заводов государственной компании «Зальцгиттер». Его не устраивало то, что Бонн таким путем получит возможность вмешиваться в дела его земли. Король Баварии не хотел покушений на свою власть. И концерн учел пожелание Штрауса. Ты — мне, я — тебе.

В 1986 году западногерманский журнал «Фронталь» поместил статью об участии различных компаний ФРГ в американской программе «звездных войн», которую президент Рейган разрекламировал как «стратегическую оборонную инициативу» — СОИ. В статье «Фронталь» привлекает внимание такая фраза: «В октябре 1985 года первой из западногерманских фирм компания «Дорнье» объявила об официальном участии в программе СОИ, то есть еще задолго до подписания правительственного соглашения».

Задумайтесь: мало того, что «Дорнье» была первой сторонницей СОИ, — своей активностью она подтолкнула и правительство. А ведь «Дорнье» — это тоже Флик. Ему принадлежали 68 процентов ее акций. При Флике «Дорнье» стала принимать участие в осуществлении полетов американских челночных кораблей многоразового использования, то есть оказалась в святая святых космической программы США. Флик и здесь великолепно использовал конъюнктуру. «Дорнье» разработала приборные платформы точной корректировки, позволяющие безупречно ориентировать на цель телескопы, датчики, зеркала и все, что угодно. По данным западногерманской прессы, в середине 1986 года погрешность системы составляла 10 сантиметров на 100 километров. Эти показания привлекли к «Дорнье» внимание Пентагона.

Что же касается политических факторов, то, во-первых, НАСА — Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства

США — никогда не упускала возможность поживиться плодами чужого ума и чужого труда, а во-вторых, немцы у нее всегда были в особой чести. Создатель гитлеровского «сверхсекретного оружия» — ракет ФАУ Вернер фон Браун закладывал основы космической программы США, а вместе с ним работали десятки немецких специалистов.

Нет сомнений, что Флик учел и этот фактор, приобретая «Дорнье», как и то, что фирма наладила выпуск электронного оборудования для системы АВАКС и крылатых ракет.

Расчеты оправдались. «Дорнье» незамедлительно получила от США крупный заказ в рамках рейгановского плана создания ударного космического оружия.

По церковной терминологии, смертный грех — это грех, погубляющий душу, это всякое прямое и сознательное нарушение заповедей божьих. Те, кто совершает самые страшные грехи, без упоминаний всевышнего и шагу не шагнут. На пряжках солдат разбойничьей кайзеровской армии было выбито высокомерное: «С нами бог». Без ссылок на бога не обходился и Франц Йозеф Штраус. Благочестиво складывает руки на груди Фридрих Карл Флик. Но все это нисколько не мешает духовным и материальным наследникам германской империи вновь впадать в семь смертных грехов, которые уже не раз приводили к катастрофе.

«Германская империя мертва, но идеи, из-за которых она погибла, продолжают действовать в Федеративной Республике Германии. Они смердят, издавая трупный запах». Эти слова тоже принадлежат Себастьяну Хаффнеру. Ими он закончил книгу «Самоубийство германской империи».

Фридрих Карл Флик во всем следовал примеру отца. В разных сферах это получалось у него с большим или меньшим успехом. Но в одном ФКФ превзошел Старого Фрица — по части взяток. Тут Фридрих Карл Флик имеет все основания претендовать на чемпионский титул.

Прямо скажем, достижение незаурядное. Таких промышленных и финансовых воротил, которые не давали бы взятку государственным и политическим деятелям, в природе не существует. Взятки дают все. Называются они, конечно, не взятками, не словом, режущим утонченный слух, а субсидиями, пожертвованиями, фондами и т. д., но их суть от этого нисколько не меняется. И в этих условиях, чтобы оказаться первым, надо очень сильно постараться.

Стоит ли говорить, что «давал» и Старый Фриц? Конечно, давал всегда и всем. Документально засвидетельствовано, что рейхсканцлеру Генриху Брюнингу, тому, который благословил «гельзенбергскую аферу», досталось 150 тысяч марок, его министру финансов — 950 тысяч (видать, было за что оценить министра в 6 с лишним раз дороже главы правительства), фон Папену, когда он занял пост рейхсканцлера, — 100 тысяч. Не был обделен и генерал фон Шляйхер, ставший преемником фон Папена.

Во время президентских выборов в Германии в 1932 году Фридрих Флик оказал значительную финансовую поддержку Гинденбургу. И тогда же, в те времена, когда Веймарская республика еще не превратилась в Третью империю, Флик начал давать деньги нацистам. 26 января 1932 года Флик в числе шести-

сот крупнейших дельцов присутствовал на встрече промышленников с Гитлером в гостинице «Парк-отель» в Дюссельдорфе. В конце встречи Гитлер призвал капитанов индустрии оказать его партии финансовую поддержку. Собрали 3 миллиона рейхсмарок, из них 240 тысяч — доля Флика. А это 8 процентов всей суммы, на которую «скинулись» 600 человек. Герингу подношения делались «борзыми щенками» — картинами, а нацистской партии — ей украшения были ни к чему, она в деньгах нуждалась — звонкой монетой. Еще в 1932 году Флик отсчитал нацистам около 50 тысяч марок, а на следующий год, когда гитлеровцы пошли на решающий штурм рейхстага, отвалил целую сотню тысяч. Деньги по тем временам огромные.

После прихода нацистов к власти Флик стал одним из активнейших членов «кружка друзей рейхсфюрера СС». Главная террористическая организация фашистского режима уже сполна успела проявить себя, и Флик прекрасно отдавал себе отчет, на что он жертвует деньги. С 1936 года Флик регулярно переводил жирные суммы в фонд СС, и чем шире разворачивалась преступная деятельность этой банды убийц в черном, тем щедрее становился Флик.

История сохранила список жертвователей за 1944 год, когда крах нацистского рейха уже стал очевиден и террор эсэсовцев становился все более свирепым. Но Флик и тогда был в числе первых. Шесть концернов от щедрот своих отвалили по 100 тысяч марок. Это были именно те, кто не просто связали себя с нацистским режимом, а веровали в него. Зловещая «ИГ Фарбениндустри», поставлявшая газ для умерщвления узников концентрационных лагерей. Производитель танков «Сименс — Шукерт». Третью строку в списке занимала «Миттельдойче Штальверке» доктора Фридриха Флика. Однако было бы непрости-

тельной ошибкой остановиться на этой строке и не взглянуть на продолжение списка. После перечисления ряда более мелких жертвователей, внесших от 10 до 75 тысяч марок, фигурируют еще три стотысячника. Из них особого внимания заслуживает Отто Штейнбринк — «Ферайнигте Штальверке АГ». Почему особого? Дело в том, что он, этот Штейнбринк, имевший звание группенфюрера СС, долгие годы входил в состав руководства концерном Флика и даже после того, как выделился в самостоятельного предпринимателя, поддерживал со Старым Фрицем столь тесные отношения, что американский трибунал в процессе по делу номер пять поставил его вторым, сразу после Фридриха Флика. Так что к 100 тысячам в пользу СС непосредственно от Флика можно прибавить еще 100 тысяч от Штейнбринка. А 200 тысяч — это сумма, вдвое превышающая самые крупные одиночные пожертвования.

Фридрих Флик демонстрировал свои симпатии нацистскому режиму оптом и в розницу. Как он это делал оптом, уже сказано. В розницу...

В сентябре 1940 года Флик заключил контракт с генералом Вальтером Виттингом. По этому контракту генерал, занимавший, как легко догадаться, не последний пост в правительственном аппарате, за ежемесячное вознаграждение в тысячу рейхсмарок обязывался представлять интересы Флика в государственных и военных инстанциях. Старый Фриц и на этот раз провидчески поставил на фаворита. Уже в 1941 году генерал Виттинг получил весьма доходный для него и суливший крупную поживу для Флика пост «генерального инспектора по освоению и использованию сырья на оккупированной территории СССР». Генерал тут же дал знать Флику, что «с интересом ожидает его пожеланий». Не гнушался Виттинг и «мелких» услуг типа освобождения от воинской служ-

бы старшего сына Флика Отто Эрнста. За это папаша возместил генералу расходы в связи с переездом на новую квартиру, включая оплату счета в гостинице, где обитал Виттинг, пока перевозили мебель. Каждому свое — Герингу старинные картины, Виттингу — пару сотен на переезд.

И еще одна цифра: из отчетов концерна явствует, что с 1933 по 1945 год Флик пожертвовал в кассу нацистов 7 миллионов 650 тысяч рейхсмарок. Это за 12 лет. А Фридрих Карл за десять подарил ведущим политическим партиям ФРГ 25 миллионов марок, в том числе 15 миллионов блоку ХДС/ХСС, а 6 миллионов 500 тысяч — партии свободных демократов, либералам. В определенные периоды времени кое-что перепало и СДПГ.

В среднем два с половиной миллиона в год на взятки — это высший показатель для всех западногерманских корпораций. Это рекорд. Правда, как и всякий другой средний показатель, данный тоже грешит неточностью. Установлено, что финансовые подношения Фликов влиятельным деятелям в Бонне нарастали в те моменты, когда в рейнской столице решались вопросы, кровно интересующие концерн. И недаром, когда «щедрость» концерна «Фридрих Флик КГ» стала достоянием гласности, дело о систематическом подкупе промышленными и финансовыми магнатами правительственных партий получило наименование «аферы Флика».

У концерна Флика, как выяснилось, было три кассы. Официальная с нормальным бухгалтерским учетом; неофициальная; специальная, или «черная касса».

Существует версия, что тайна этой «черной кассы» выплыла на свет совсем случайно. «Если бы в 1975 году Петер Мюлленбах не поссорился со своим партнером, неким Фейнером, и не обвинил его в утаива-

нии 110 тысяч марок, вся эта история с пожертвованиями, быть может, и не стала бы известной», — телеграфировало информационное агентство ДПА. Очевидно, автор корреспонденции стремился придать ей интригующую остроту напоминанием о «судьбе-индейке», но, хотел он того или не хотел, попал в точку.

И ход расследования, и суд над теми, кого определили в главные виновники, не говоря уже о кампании прикрытия в шпрингеровских газетах, убедительно показывают, что власти предержавшие, и закулисные, и те, которые находятся на авансцене, меньше всего хотели выяснений обстоятельств «аферы Флика», да и появления самого этого термина.

Иногда говорят, что могущественные конкуренты не преминули подставить ножку не в меру удачливому Флику.

— Мой отец, — поведал Фридрих Карл Флик членам комиссии бундестага, разбиравшей дело о взятках, — всегда цитировал Тацита. И по его словам, уже Тацит отмечал, что тевтоны были завистливым народом. Быть может, это один из маленьких недостатков нашей прекрасной Германии.

Тацит действительно не жаловал германцев. Он бросал им упрек в нерадивости, в отсутствии терпения, в нежелании упорно и напряженно трудиться. Да и что может сказать историк о народе, с которым долго, упорно и далеко не всегда успешно вело войну его государство?

Древние авторы хороши тем, что ссылки на них придают солидность собственным взглядам. Не я, дескать, а Тацит считал нас завистливыми. Но что такое зависть по сравнению с непреложными законами конкурентной борьбы? И конечно, когда Флик споткнулся на взятках, тычки в спину посыпались со всех сторон. Однако необходимо отметить, что это прои-

зошло лишь после того, как скандал выплеснулся на страницы газет и журналов.

Живущий в стеклянном доме, если он, конечно, не безумец, не станет швыряться камнями. Ни один концерн, теми же методами, что и Флик, подкупающий правителей, утаивающий налоги, не будет разоблачать механику обмана государства, а проще говоря, рядовых бундесбюргеров, ибо с них-то государство монополий дерет семь шкур и послаблений не дает.

Случайность, небольшой камень — что для Флика каких-то 110 тысяч марок, — сорвавшийся с горы, вызвал грохочущий обвал.

Жалоба Мюлленбаха на Фейнера вывела налогового инспектора Клауса Фёрстера на след организации финансирования политических партий и лиц обходными путями. Около 100 промышленников заказывали никому не нужные экспертизы и дорого платили за них фирме, находящейся в Вадуце (Лихтенштейн). А из Вадуца денежки перекачивали в партийные кассы. В кассу возглавлявшегося Штраусом Христианско-социального союза денежки текли и через его газету «Байернкурир». Делалось это так. В редакцию переводились деньги за объявления, но они так и не публиковались за «наличием отсутствия». Концерн не утруждал себя даже составлением фиктивных объявлений, а газета еще меньше смущалась этим обстоятельством. А ведь таким путем всего за три года были переведены 91 тысяча 842 марки 24 пфеннига. И это только прямо от «Фридрих Флик КГ», но такой же практикой занимались и дочерние компании — «Динамит-Нобель», «Фельдмюле», «Максимилиансхютте»...

Другой путь финансовых пожертвований проходил через рекламное общество «Гезельшафт цур Виртшафтсвербунг-Паблицитас» в том же Мюнхене. С 1967 по 1969 год «Паблицитас» получила более

150 тысяч марок. По указанию Конрада Калеча, который в то время был генеральным уполномоченным концерна «Фридрих Флик КГ», с 1970 по 1974 год было выплачено еще 210 тысяч марок.

Стоило чуть внимательнее посмотреть в бухгалтерские книги, как выявился еще один путь. Флик щедро финансировал предприятие, управляющее финансами католического миссионерского общества «Зовердия». Поскольку это считалось делом богоугодным и человеколюбивым, финансирование обеспечивало Флику существенные налоговые льготы. Но ведь он и бога ободрал бы до липки, если бы смог. Оказалось, что 80 процентов средств, предоставленных Фликом «Зовердии», ее делопроизводитель пастор Йозеф Шредер возвращал концерну. Таким способом Флик в короткий срок «спас» от налогового обложения 13 миллионов марок.

Западногерманский писатель Ханс Магнус Энциенсбергер в эссе по поводу «аферы Флика» писал, что эта история резко ставит вопрос об обычаях и нравах в ФРГ. «Создание всеобъемлющей картины нравов в Федеративной Республике, как очевидно, является задачей, превышающей возможности нашей литературы и науки. Бумаги из дома Флика не могут компенсировать этот недостаток, но они позволяют нам бросить взгляд в среду, которая не менее удивительна, чем племя охотников за черепами на Папуа — Новой Гвинее», — отмечал Энциенсбергер.

Впрочем, почему бы пастору Шредеру не быть соучастником махинаций Флика, если главный католический банкир, да к тому же архиепископ Марцинкус прямой уголовщиной занимался, но по сей день продолжает возглавлять Институт религиозных дел, как именуется банк Ватикана?

Впервые крик ужаса и отчаяния «О времена! О нравы!» прозвучал в древнем Риме, в первом в исто-

рии человечества эксплуататорском обществе — в рабовладельческом. Минули две тысячи лет, ушли в прошлое и рабовладельческое общество, и феодальное, да и капиталистический строй сегодня значительно отличается от того, каким он был в начале и даже середине XX века, но, хотя времена меняются, нравы остаются не менее ужасающими.

«Порнографией наличных денег» назвал «аферу Флика» лауреат Нобелевской премии в области литературы Генрих Бёлль. Сильно сказано. Но точнее выразились два журналиста — Райнер Бурхардт и Ганс-Юрген Шламп. Учитывая практику, которой постоянно придерживался концерн Флика, предоставлявший политическим деятелям взятки в виде крупных денежных сумм наличными в конвертах, они едко назвали эту практику «конвертократией».

В этом хлестком термине выражена суть проблемы — деньги, вложенные в конверты, обеспечивают власть.

«Расследование деятельности концерна Флика,— замечает Клаус Науман в прогрессивном ежемесячном журнале «Блеттер фюр дойче унд интернационале политик»,— наглядно показывает, какая тесная связь существовала и существует между экономикой и политикой, а также позволяет понять политические нравы «предпринимательской элиты».

Деньги от концерна получали председатель Христианско-демократического союза Гельмут Коль, председатель Христианско-социального союза Франц Йозеф Штраус, председатель бундестага Райнер Барцель, министр хозяйства граф Отто Ламбсдорф, его предшественник, перешедший на пост председателя правления «Дрезднер банк» Ганс Фридерихс, министр финансов Ганс Матхёфер, министр хозяйства и транспорта земли Северный Рейн-Вестфалия Хорст-Людвиг Ример и многие, многие другие. На-

столько многие, что, по ехидному выражению журнала «Шпигель», список получателей «пожертвований» повторяет книгу «Кто есть кто в ФРГ», куда заносятся все заметные люди.

Прокуратура собрала 23 тома материалов расследования по 250 страниц в каждом и 56 томов документов по 800 страниц. Но эта гора доказательств родила мышь. По сути дела, пострадали, да и то в соизмерении с содеянным весьма ничтожно, четыре человека. Барцелю пришлось «добровольно» уйти в отставку с поста председателя бундестага, Ламбсдорф лишился портфеля министра и предстал перед судом.

— Какой пассаж! — восклицали боннские дамочки.

«Пассаж» действительно был скандальный. Впервые в истории ФРГ федеральному министру во время его пребывания в должности были предъявлены уголовные обвинения. Было от чего закатить глаза и плюхнуться в обморок.

Вместе с Ламбсдорфом на скамье подсудимых оказались Фридерихс и генеральный управляющий концерна «Фридрих Флик КГ» Эберхард фон Браухич. А сам Флик?

Адвокаты Флика с профессиональным жаром уверяли, будто доктор Флик «не был информирован о благотворительной деятельности (так они называли перевод денег в партийные фонды) концерна», что ему приходилось чуть ли не «бороться за получение информации».

Нет двух мнений относительно того, что Фридрих Карл Флик подставил под удар фон Браухича, избрав его козлом отпущения. Когда владельцу концерна пришлось держать ответ перед следователями, на вопрос о миллионных «пожертвованиях» политическим партиям он начал мямлить сущую несуразицу.

— Я об этом ничего не могу сказать... Я всем этим делом с жертвованиями никогда не занимался.

Бог мой, сколько я подписал бумаг, наверное тысяч двадцать пять... Думать о каждой, это немыслимо. У меня в голове всегда что-то другое.

А между этих несвязных слов монотонно звучало, что, дескать, дела вершил Эберхард фон Браухич, а с меня взятки гладки. Я не я, и лошадь не моя.

Можно, конечно, подобрать слова, соответствующие внешней интеллигентности Фридриха Карла Флика, слова, не столько раскрывающие, сколько маскирующие его стремление свалить вину на генерального управляющего. И это будет, скажем, попытка обелить себя, уйти от ответственности. Конечно, и это не очень красиво, но... Если же называть вещи своими именами, то надлежит прямо сказать, что заложил Фридрих Карл Флик своего главного администратора, предал его и отдал суду с головой.

А в детстве Фридрих Карл и Эберхард в солдатиков вместе играли. Восьмилетним мальчишкой Эберхард был впервые приглашен в дом Старого Фрица на берлинской Таубэрштрассе на празднование дня рождения сверстника, Фридриха Карла. Одно время он даже учился вместе с младшим Фликом в школе в Бад-Тельце. Когда ему было 34 года, не кто иной, как Фридрих Карл, рекомендовал отцу, Старому Фрицу, фон Браухича как подающего большие надежды администратора. Правда, с отцом фон Браухич не сработался, но, когда сын возглавил концерн, он немедленно вновь призвал Эберхарда и предоставил ему широкие полномочия.

В западногерманской прессе можно найти десятки фотографий, запечатлевших чуть утомленного сибарита Фридриха Карла Флика рядом с могучим (рост — под два метра, вес — без малого сто килограммов) Эберхардом фон Браухичем. По выражению лиц, их водой не разольешь. Друзья до гроба. Как поется в старой песне немецких студентов, «их хатте айнен

камераден, айнен бессерен хаст ду нихт» («у меня был друг, лучше которого у тебя нет»).

Продал и предал своего закадычного друга мультимиллиардер Фридрих Карл Флик. Когда происходит столкновение между дружбой и интересами, те, кто не ведает человеческих чувств, выбирают интересы. Флик и в этом не оригинален.

Удивительно, казалось бы, другое. Судебные органы сочли увертки Флика достаточно убедительными и, поспешно отпустив ему грехи, сосредоточили огонь на фон Браухиче. Впрочем, если разобраться, то и это совсем не удивительно.

Представим себе ход мыслей прокуроров Федеративной Республики. Перед ними стоит дилемма — кого обвинить: владельца крупнейшего концерна, да к тому же концерна военного, следовательно, обладающего могущественными связями и в милитаристских кругах, или исполнителя, пусть и весьма высокого ранга, но человека, нанятого на работу, служащего.

Говорят, деньги делают деньги. Спору нет, чем больше денег, тем легче приумножить имеющиеся доходы. Но все же в любом случае для этого необходимы люди.

Боннская прокуратура меньше всего на свете стремилась выявить всех тех политических деятелей, которые за мзду делали деньги для концерна Флика, предоставляя ему противозаконные налоговые льготы. В том же ключе работала и специальная комиссия бундестага.

На словах и христианские демократы, и либералы уверяли, что они желают «досконального выяснения» всех обстоятельств скандальной «аферы Флика». Прекраснодушные либералы из «Шпигеля» выразили уверенность, что «концерн Флика, а вместе с ним руководящие политические деятели в Бонне, по всей види-

мости, не смогут выпутаться из силков, расставленных боннской прокуратурой».

Праведным гневом, призывами идти до конца щедро уснащали свои речи и христианские демократы.

— Ничего нельзя заметить под ковер,— торжественно провозглашал председатель бундестага Филипп Еннингер.

Но это были только слова, предназначенные для маскировки истинных намерений. А эти намерения проявились сразу же, как только комиссия приступила к работе. Ведь составлена она была пропорционально представительству в бундестаге ХДС, ХСС, СвДП, СДПГ и «зеленых», а это предопределило большинство в ней христианских демократов и либералов. «Шансы того, что с помощью следственной комиссии бундестага правда когда-либо будет извлечена на белый свет, практически равны выигрышу в лотерею»,— прозорливо заметил журналист Хуберт Зайпель. Как в воду глядел. Впрочем, для такого прогноза отнюдь не нужно обладать магическим даром предвидения. Достаточно представлять, кто есть кто и кто кому служит.

И вот комиссия приступает к работе. Ей сразу же потребовалось получить от боннского земельного суда документы из уголовного дела, возбужденного к тому времени против фон Браухича, Ламбсдорфа и Фридерихса по обвинению во взяточничестве, коррупции и уклонении от уплаты налогов. Председатель суда ответил отказом. Казалось бы, в поддержку авторитетной комиссии выступит высший законодательный орган страны и суд поднимет руки. У бундестага есть право заставить выполнить его волю любое государственное учреждение. Но оказалось, что большинство членов комиссии вовсе не жаждут получить документы и, хотя вначале все члены комиссии проголосовали за то, чтобы документы были затребо-

ваны, при отказе председателя суда христианские демократы и либералы беспомощно развели руками. Дескать, на нет и суда нет. Отказ подать на суд жалобу был настолько однозначным, что у многих сложилось представление о нехитром трюке с заранее распределенными ролями.

Так происходило буквально во всем. Первоначально комиссия намеревалась допросить 104 свидетеля. Опросили всего 36. Достаточно, дескать. А лоббиста Флика, Адольфа Контера, который, конечно, знал много, освободили от дачи показаний по личному указанию министра юстиции. 13 наиболее важных свидетелей допрашивались только по одному разу, хотя было решено вызвать их для дачи показаний повторно.

В протоколе заседаний комиссии сплошь и рядом фигурируют такие записи: «Голос председателя (им был член ХДС Лангнер): «Я прерываю допрос господина доктора Штрауса. Мы увидимся еще раз, когда договоримся о новой дате». После допроса федерального канцлера Коля в протоколе записано: «Свидетеля следует допросить еще раз, как председателя ХДС. Ему следует задавать вопросы и как бывшему премьер-министру правительства земли Рейнланд-Пфальц, также и по поводу его отношений с секретарем организации ХДС земли Рейнланд-Пфальц и его связей с «Гражданским объединением». После допроса главного бухгалтера концерна Флика, Дилья, тот же Лангнер, как гласит запись в протоколе, сказал: «На сегодня я прерываю допрос свидетеля Дилья, закрывая заседание, и назначаю следующее заседание комиссии на среду для продолжения допроса свидетеля Дилья».

Ни Штраус, ни Коль, ни Дилья, как и никто другой, вторично перед комиссией не предстали. Председатель не дал возможности задать им все вопросы, интересо-

вавшие депутатов бундестага, пообещав вызвать свидетелей вновь, не вызвал их.

«Коалиционные партии (имеются в виду ХДС/ХСС и СвДП.— Авт.) сплотили свои усилия, чтобы помешать комиссии по расследованию «аферы Флика» установить истину»,— сделал вывод еженедельник «Цайт».

Такая же нечистая игра велась и в прокуратуре. Как листья с осеннего дерева, опадали обвинения в адрес многих замешанных в афере политических деятелей. «Подозрения против обвиняемых Эберле, Функе, Ланштайна и Матхёфера в том, что они получали взятки, не подтвердились в степени, достаточной для возбуждения дела»,— сообщила боннская земельная прокуратура. Наверняка у многих ознакомившихся с этим решением судебных органов возник вопрос: как понимать «степень, достаточную для возбуждения дела»? Это что значит — брали, но не очень много? В таком случае напрашивается еще один вопрос: какую сумму взяток прокуратура считает законной, коль скоро не намеревается возбуждать уголовного дела?

Давать ответ на эти вопросы никто и не собирался. А в это же время ведущие политические деятели замешанных в скандале партий предпринимали отчаянные усилия, чтобы создать благоприятную для взяточников политическую атмосферу.

Председатель организации ХДС региона Вестфалия Липпе Курт Биденкопф разглагольствовал на тему, что все мы, дескать, люди, все человеки и всякое у нас бывает.

— Политические деятели,— говорил Биденкопф,— это люди, и они не лучше остальных. Если какой-то человек получил мандат, то от этого он не станет святым.

Однако столь тонкие намеки на то, что святых среди

людей не так уж много, по мнению Коля, были явно недостаточными.

— Журналистская деятельность некоторых средств массовой информации,— нападал Коль,— сводится к копанию в навозе, чтобы по политическим соображениям превратить законное содействие демократическим партиям в преступные деяния. Никакая демократическая партия,— и Коль многозначительно поднимал указательный палец,— не может обойтись без жертвований.

Ну это смотря насколько она «демократична». Журнал «Штерн» стоит значительно правее левого спектра боннской политики, но и он счел высказывание канцлера о «копании в навозе» ошибочным, поскольку «господин Коль явно не понимает, от кого в нашей стране исходит более неприятный запах».

Штраус, со свойственной ему напористостью, шел еще дальше.

— Это все средства массовой информации раздувают,— кипятился король Баварии.— Это они представляют ФРГ как страну, которая погрязла в коррупции. Делается это с целью расшатать государство. Сегодня радуются только те, у кого на уме не чистота порядков, а совсем другое государство — с другим экономическим и общественным порядком.

Особенно доставалось от Штрауса «зеленым». Он проводил прямую параллель между ними и нацистами.

— Нацисты также все ругали, обещали золотые горы. Здесь, без сомнения, есть параллели.

Считай, в государственной измене обвинял Штраус критиков из партии зеленых.

Гнев — плохой советчик. Погорячился Франц Йозеф Штраус, лишнее сболтнул. От непреложных фактов не отмахнешься. «Дело о незаконном субсидировании партий, в котором замешаны все эти

умные господа, разыгрывающие ныне святую невинность, внушает мне отвращение», — писал буржуазный журналист Рольф Винтер.

Но это была скорее эмоциональная, чем политическая, оценка.

«На скамье подсудимых, — делала четкий вывод газета западногерманских коммунистов «Унзере цайт», — вся система государственно-монополистического капитализма, царства силы и денег. Впервые «афера Флика» раскрыла миллионам граждан ФРГ глаза на тот факт, что крупный капитал с помощью незаконных финансовых операций на корню закупил боннские партии и тем самым политику ФРГ».

Деньги, вложенные концерном Флика, словно песок в колесах машины, тормозили и ломали расследование. И все же кое-что стало достоянием гласности.

Концерн Флика разработал, по определению видного деятеля «зеленых», депутата бундестага Отто Шили, «многочисленный инструментарий для успешного влияния на принятие решений политическими кругами и государственными органами». Концерну удавалось путем секретных связей добывать информацию, выходящую далеко за рамки сведений, которые могут быть получены с помощью обычного ходатая в министерствах. Флику докладывали о решениях, принятых министерством хозяйства, прямо с заседаний, где обсуждались важные вопросы. И докладывал не кто-либо, а сам министр. Вначале Фридрихс, потом Ламбсдорф. Да что там министры. Председатель ХДС Гельмут Коль информировал концерн Флика о решениях своей партии, а также о планах назначения на высокие государственные посты, включая пост председателя бундестага, что по боннской табели о рангах считается постом номер два, вслед за президентским.

Когда знакомишься с материалами о том, как сверхбогачи увильивают от уплаты налогов, а таких материалов много больше, чем самих сверхбогачей, ибо каждый из них делал это неоднократно, складывается впечатление, что для миллиардеров неуплата налогов — норма поведения.

Универсальность этого положения подтвердил и респектабельный французский журнал «Монд дипломатик». В статье, озаглавленной куда как выразительно: «Чтобы платить меньше налогов, нужно быть богаче», журнал пришел к следующему выводу: «Согласно принципам демократии налог должен быть средством перераспределения доходов и крупных состояний, иными словами, тем уравнивающим механизмом, который неустанно осуждают неолибералы. Однако государство, находящееся в руках политической и экономической элиты, становится благодетелем прежде всего для самых богатых. Налоговая система, отнюдь не исправляя социального неравенства, ставит в привилегированное положение ничтожное меньшинство имущих, ложась всей тяжестью на остальных граждан».

Оперируя в основном французскими данными, журнал приводит пример, показывающий, что 10 процентов наиболее богатых семей владеют 51 процентом национального достояния, в то время как 10 процентов беднейших владеют лишь 0,2 процента.

Аналогичные показатели характеризуют положение и в других странах, в том числе в ФРГ. Но в ФРГ с особенно большим упорством правительство ХДС/СвДП добивается для богачей и сверхбогачей новых налоговых льгот. Делается это под лозунгом интересов нации, но ведь давно известно, что богачи куда как охочи представлять себя носителями и хранителями национальных интересов. Они и от налогов увильивают «не корысти ради», а во имя нацио-

нальных интересов, и на субсидии тем же христианским демократам не скупятся во имя опять же национальных интересов.

В подмене понятий, в искажении подлинного смысла слов монополии весьма преуспели. Но облетает словесная шелуха, опадают демагогические утверждения, и цинизм крупного капитала предстает во всей хищнической наготе. И тогда его «национальные интересы» оказываются эгоистическими интересами, в жертву которым приносятся интересы масс.

Злоязыкий американец Арт Бухвальд однажды опубликовал в газете «Ньюсдей» фельетон под названием «Настоящие герои не платят налогов». Фельетон, естественно, строился на американском материале, но с таким же успехом «Америка» может быть заменена на «Федеративную Республику Германии», «Францию», «Италию», а имя вымышленного героя «Гарви Риплмайер» на вполне реальное «Фридрих Карл Флик».

«В Америке,— писал Арт Бухвальд,— существует два сорта людей, не платящих никаких подоходных налогов,— наиболее бедные и наиболее богатые. На бедняков, когда они не платят налогов, смотрят неодобрительно, потому что они становятся обузой для общества, но покажите мне богача, который не платит своему правительству ни гроша, и я покажу вам подлинного американского героя».

Фельетон, что свойственно манере Бухвальда, написан в форме диалога.

— В чем ваш секрет? — спрашивает автор Гарви Риплмайера.

— Чтобы не платить налогов налоговому управлению, нужно иметь деньги. Чем больше денег, тем меньше вам приходится отдавать государству.

— Но как это делается?

— Для этого надо нанять самых лучших специалистов по налоговому законодательству, каких только можно найти за деньги. Обычно это бывшие сотрудники налогового управления, которым известны все лазейки. Уж им-то ведомо, что пройдет, а что не пройдет с точки зрения закона.

— А вас никогда не мучит совесть из-за того, что вы почти не платите государству налогов?

— Разве кого-нибудь мучит совесть, если ему предоставляется возможность обойти налоговое законодательство?

Ответ универсален для всех стран капитала. Универсален и метод. Герой бухвальдского фельетона рекомендует обращаться за содействием к специалистам из налогового управления, за соответствующую мзду, естественно. Флик с этой целью использовал министров. Но у него и масштаб другой, мультимиллиардер — это вам не какой-нибудь миллионеришка.

А в принципе реальный Фридрих Карл Флик ничем, ну ровнешеньки ничем не отличается от символического Гарви Риплмайера. Как, впрочем, и другие богатеи.

Однажды Фридриху Карлу Флику был задан вопрос:

— Что означает для вас быть Фликом?

— Я вижу в этом обязанность вести дела так, как подобает тому, кто дважды вынужден был восстанавливать хозяйство, две трети которого остались на Востоке,— высокопарно изрек магнат.

Ответ созвучен с тем, что говорил Старый Фриц. Заносчивое высокомерие, уверенность в своем могуществе и непогрешимости, укрепившуюся убежденность в полном совпадении интересов его КГ с интересами государства ФКФ унаследовал от отца в полной мере. Заправила индустрии и финансов чуть ли не искренне верят в то, что формула «что хорошо для «Дженерал моторз», хорошо для Соединенных Штатов» распространяется на все капиталистические концерны. В этом отношении Флик-младший ничем не отличался от родителя.

Старый Фриц дал сыну солидное образование. Фридрих Карл получил диплом торгового специалиста

в Мюнхене, где, впрочем, прославился не столько успехами в изучении наук, сколько студенческими похождениями. Стажировался в США на фирме «Грейс». По возвращении на родину защитил диссертацию на степень доктора политических наук. Отец подвел под него базу, которой сам не имел. «Этот младший отпрыск семейства Фликов,— писал Гюнтер Оггер,— отличался некоторой интеллигентностью, личным обаянием, соединенным с известной небрежностью, которая обычно помогала ему устанавливать различные контакты». Не пропали даром и уроки Старого Фрица по части всевозможных махинаций. Фридрих Карл, пожалуй, так и не сумел придумать что-то оригинальное, свое, но довольно ловко использовал опыт папаши.

В 1975 году концерн Флика за два миллиарда марок продал 29 процентов своей доли в компании «Даймлер-Бенц» банку «Дойче банк».

Цена была высокая, и Флик имел все основания быть довольным сделкой. Тем более что взвинтил цену он сам, по старому испытанному методу папаши — игрой на национальных чувствах. Вся разница заключалась в том, что если в «гельзенбергской афере» жупелом служили французские промышленники, то на сей раз было использовано имя иранского шаха. Дескать, Мухаммед Реза зарится на акции. А поскольку незадолго до этого 14 процентов акций концерна «Даймлер-Бенц», скупленные нефтяными шейхами, уплыли в Кувейт, распушенные Фликом слухи создавали угрожающую ситуацию — предприятие, изготавливающее автомобили «мерседес», этот символ западногерманского процветания, могло оказаться в руках иностранцев.

Согласиться с этим не могли ни воротилы экономики, ни рядовые бундесбюргеры. А Флику только это и было нужно. В итоге он получил от «Дойче банк»

1 934 563 811 марок, или почти 2 миллиарда. Но оприходовать эти деньги и целиком внести их на счета концерна закон не позволял. Увеличение рыночной стоимости капитала, как на юридическом языке называется продажа холдингом акций, облагается налогом. Флик мог потерять почти половину вырученной суммы, но у него не было ни малейшего желания считаться с требованиями фискального ведомства. Расставаться с деньгами любителей мало, но в отличие от большинства из них Флик имел четкое представление о том, как обвести вокруг пальца налоговое ведомство.

Формально льготы могли быть предоставлены в том случае, если фирма убедительно подтвердит, что полученные средства вновь вложены в предприятия, «представляющие конкретную ценность для экономики».

На этом положении Флик и решил сыграть. Объектом капиталовложений был избран американский химический концерн «Грейс», с которым у «Фридрих Флик КГ» задолго до этого установились тесные связи.

Решение вопроса о правомерности предоставления льгот принадлежало, да и сейчас принадлежит министерству хозяйства. В то время оно возглавлялось сначала Фридерихсом, а потом Ламбсдорфом, которые, отнюдь не бескорыстно, всегда были готовы порадовать Флику.

Концерн направил в министерство хозяйства просьбу о предоставлении льгот, обосновывая ее тем, что его капиталовложения в США принесут пользу западногерманской экономике в целом, поскольку откроют доступ к новейшей американской технологии. «Мы проявляем серьезный интерес к газификации угля и рассчитываем получить от американцев их совершенную технологию», — указывалось в просьбе. В то

время в ФРГ проблеме газификации угля уделялось большое внимание, и «Фридрих Флик КГ» стремился внушить, что не для себя он старается, а для всего общества. Для министров, кормившихся из рук Флика, такая аргументация была вполне достаточной.

А вопрос, почему бы концерну, не раз щеголявшему показным патриотизмом, не вложить средства в экономику ФРГ, у них даже не возникал. Это был период, когда об «экономическом чуде» перестали захлеб распространяться даже такие апологеты боннского государства, как шпрингеровские журналисты. Тучи на горизонте мирового капитализма сгущались, и безработица становилась печальной реальностью.

На 800 миллионов марок, вложенных в «Грейс», можно было бы обеспечить работой не одну тысячу бундесбюргеров, тщетно обивавших пороги бирж труда. И это вовсе не было бы бескорыстной благотворительностью, поскольку рабочие, нанятые концерном «Фридрих Флик КГ», конечно же своим трудом обеспечили бы дальнейшее обогащение его владельца. Но акции «Грейс», как подсчитал Флик, принесут еще бóльшую выгоду. Деньги ушли в США, а Флик этот, по существу, предательский по отношению к национальной экономике шаг с помощью хорошо «подмазанных» министров представил как благо для народного хозяйства.

Правда, заместитель руководителя налогового отдела в министерстве финансов Адальберт Ильнер оказался не только блестящим специалистом по налогам, но и «пуританином и фанатиком справедливости» (так его охарактеризовал фон Браухич). В конфиденциальной беседе с генеральным уполномоченным «Фридрих Флик КГ» он высказал возражения против освобождения концерна от налогов. Ильнер и понятия не имел, что президент «Грейс» Питер Грейс отозвался о новых владельцах акций в таком духе, что с ними

хорошо совершать морские прогулки и пировать, но отнюдь не обмениваться технологией. Однако чиновник понимал, что акцию, предпринятую Фликом-младшим, даже при большом желании трудно расценить как национальное благо.

— Ваша позиция в отношении получения новейшей технологии у «Грейс» изложена в слишком общих чертах,— прямо указал Ильнер.— Из приложенных документов совершенно нельзя понять, какую технологию вы намереваетесь получить и что она может дать нашей экономике.

Но поскольку Ильнер являлся членом СвДП, на него легко нашли управу в лице руководителей партии.

Хоть и не рядовой пост занимал в боннском министерстве финансов Адальберт Ильнер, в большой игре концерна Флика он был не более чем пешкой. Свободно двигая в своих интересах любые фигуры на политической доске, распоряжаясь ферзями и ладьями, концерн всегда имел возможность блокировать строптивую пешку. В бумагах фон Браухича нашли весьма примечательное замечание: «Геншер повлияет на Ильнера. Он полагает, что у него найдется «приманка» для Ильнера». И влияние, и приманка сработали — из зама Ильнер стал руководителем отдела и в этих обстоятельствах переступил через то, что Браухич назвал «фанатизмом справедливости». Для успокоения он всегда мог сослаться на партийную дисциплину, поскольку действовал по указанию лидера СвДП Геншера — дескать, жираф большой, ему видней, а к тому же пост начальника налогового отдела в полной мере компенсировал моральные издержки.

По прошествии лет концерн и сам признал, что его планы приобщиться через «Грейс» к новейшей технологии не осуществились.

В 18-страничном документе на имя министра хозяй-

ства, посланном 30 ноября 1982 года, когда «афера Флика» уже стала фактом, владелец концерна вынужден был признать, что «больших достижений от кооперации (с «Грейс». — Авт.) мы не получили».

В действительности не было и малых. Все проекты, которые использовались для обоснования прошения об освобождении от налогов, оказались мыльными пузырями. «Трезво оценивая итоги, — отмечал в письменном объяснении сам Карл Фридрих Флик, — мы должны сегодня признать, что цели, которые ставились нами, не были достигнуты».

По сути дела, признание подтверждало, что оснований для получения налоговой льготы не было. Вывод напрашивается сам собой — концерн обязан по меньшей мере вернуть казне причитающиеся ей деньги. Но ни одно «очевидное невероятное» не является столь невероятным. Правда, вопросом об уплате концерном 450 миллионов марок занимались даже юридические органы, но до взимания недоимки дело так и не дошло. Уж какой шум стоял в прессе, какие гневные обличения бросали концерну! Даже боннская прокуратура громогласно объявила, что Флик, претендуя на налоговые облегчения, «совершил административное преступление, дав ложные сведения», но в конце концов гневные слова ушли, как вода в песок, а без малого полмиллиарда марок так и остались на счету концерна. Все как в басне: «А Васька слушает, да ест».

Трудно сказать, знал ли американский юрист и публицист Джозеф Уолтер Бингем что-либо конкретное о Флике. Но ему, безусловно, были ведомы нравы, царящие в США и ничем, по существу, не отличающиеся от нравов в других странах, скажем помягче, «свободного предпринимательства». И вот вывод Бингема:

«Субсидия — это формула, позволяющая вернуть

вам ваши деньги таким жестом, который заставляет думать, что вам их подарили».

Ведь все, абсолютно все — и переворот в Бонне, как называют отказ свободных демократов от коалиции с СДПГ в 1982 году, и подачи заискивающим политикам делались для того, чтобы приумножить могущество и богатство концерна. Не из личной симпатии к председателю той или иной партии, к тому или иному министру щедро снабжал их деньгами концерн Флика, а во имя того, чтобы ему самому досталось еще больше.

Двадцать пять миллионов марок за десять лет израсходовал концерн Флика на подкуп ведущих политических партий. Названную сумму можно считать вложением капитала. А доход, сложившийся из сумм, не выплаченных в виде налога, на что дали санкцию подкупленные министры, составил, по подсчетам боннской прокуратуры, 800 миллионов марок. Прибыль при минимуме хлопот и забот — ну что в конце концов стоило концерну зафрахтовать за 13 тысяч 277 марок 60 пфеннигов самолет, на котором Фридерихс на два дня слетал из Дюссельдорфа в Ниццу — в 40 раз превысила расходы. Да ни одно приобретение Фликов, ни один вид продукции, выпускавшейся концерном, не обеспечивали подобных дивидендов. А уж как Фридерихс старался! Он даже изобрел такой трюк — концерн подавал сразу несколько заявок на получение налоговых льгот. Та, в которой указывалась ничтожная сумма, громогласно отклонялась. Смотрите, дескать, бундесбюргеры, какое у вас принципиальное министерство хозяйства и требовательный министр Фридерихс. А когда бундесбюргеры широко раскрывали рот от восхищения, за спиной у них удовлетворялись заявки, в которых фигурировали многозначные цифры. Да за одно это Флик мог бы Фридерихсу не то что зафрахтовать, а подарить самолет.

В 1986 году корреспондент испанского информационного агентства ЭФЭ в телеграмме из Бонна сообщал: «Все большее число западногерманских компаний и знаменитостей пытаются уклониться от уплаты высоких налогов в ФРГ и перебираются в страны, именуемые «налоговым раем», еще оставшимся на земле: Андорру, Коста-Рику, Бермудские или Каймановы острова, где не взимается никаких налогов». В телеграмме приводились такие факты: фармацевтическая компания «Бёрингер» перевела свое главное представительство из Маннгейма на Бермудские острова, «Сименс» и «Байер» открыли холдинг-компании на острове Кюрасао, крупные банки завели филиалы на Каймановых островах. За пять лет прямые капиталовложения западногерманских консорциумов в Панаме, на Багамских, Каймановых и Антильских островах увеличились в 6 раз. И что интересно: суды ФРГ считают, что каждый гражданин вправе пользоваться любыми «законными» путями для уменьшения своих налоговых выплат. С такими судьями богачи не пропадут.

«Фридрих Флик КГ» до этих островов не добрался, но за границу денежки переводил. Самый яркий ход наследник Старого Фрица сделал в конце 1985 года. В то кратчайшее мгновение, которое отделяет последний удар часов, возвещающих полночь, до передвижения стрелки на одну секунду, когда все встречавшие Новый, 1986 год едва успевали поднять бокалы с шампанским, свершился юридический акт продажи концерна «Фридрих Флик индустрифервальтунг КГ» крупнейшему в ФРГ и набирающему силу не по дням, а по часам «Дойче банк». За 5 миллиардов марок ФКФ «уступил» свой концерн и перешел из разряда крупнейших предпринимателей в состав пенсионеров. Но называть ФКФ пенсионером можно лишь с большими оговорками. Достаточно сказать, что 5 мил-

лиардов марок, как поясняла газета «Франкфуртер альгемайне», эквивалентны стоимости поселка из 20 тысяч домиков, рассчитанных на одну семью, оцениваемых в четверть миллиона марок каждый.

В момент продажи к числу компаний, входивших в «Фридрих Флик индустрифервальтунг КГ», относились фирмы «Будерус», «Динамит Нобель» и «Фельдмюле фермёгенсфервальтунг». Кроме того, Флику принадлежали крупные пакеты акций концерна «Герлинг» (51 процент), компании «Даймлер-Бенц» (10 процентов) и американского химического концерна «Грейс энд компани» (26 процентов). В последний год деятельности концерна «Фридрих Флик КГ» на него работали 42 тысячи 560 человек, оборот составил 10 миллиардов 500 миллионов марок.

В сделке, осуществленной Фликом, сказались изменения, которые происходят в структуре капиталистической собственности. Под их влиянием, с одной стороны, все меньше остается гигантских владений, находящихся в единоличном пользовании, с другой — растет могущество банков, превращающихся в финансово-промышленные конгломераты.

Банки ФРГ, и среди них в первую очередь «Дойче банк», в 80-е годы заставили говорить о себе с почтением и уважением во всех валютно-финансовых центрах капиталистической части мира. Как писала газета английских деловых кругов «Файнэншл таймс», «еще десяток лет назад Лондон и Нью-Йорк с ужасом взирали на существующую в ФРГ систему, при которой банки могли брать депозиты, делать займы, обеспечивать ценные бумаги, осуществлять слияния и приобретения — и все это «под одной крышей». А сейчас такая «универсальная» система представляется скорее образцом, чем источником возмутительных привилегий».

Покупкой акций «Фридрих Флик КГ» «Дойче банк»

весьма наглядно показал, как он использует свои привилегии.

По данным еженедельника «Грюнен», через «Дойче банк» на биржи ФРГ поступают для продажи 90 процентов всех выпускаемых в стране акций. Через него осуществляется четвертая часть внешней торговли Федеративной Республики. Представители банка заседают в наблюдательных советах более чем 100 фирм ФРГ.

Еще до приобретения промышленной империи Флика ежегодный оборот «Дойче банк» составлял 232 миллиарда марок, то есть был всего на 10 процентов меньше, чем государственный бюджет ФРГ.

«Самое скандальное в этой новой афере Флика,— писала газета «Унзере цайт»,— состоит в том, что «Дойче банк» еще более усилил свои экономические и политические позиции. Дальнейшая концентрация капитала и власти в руках банков стала реальным фактом».

И вот когда сошлись интересы двух таких гигантов, как «Фридрих Флик КГ» и «Дойче банк», закон — в ФРГ политические деятели через слово повторяют термин «правовое государство» — услужливо открыл для них лазейку, именуемую «логической секундой».

В учебниках логики такого понятия нет и в помине. Но зато оно фигурирует в юридических актах ФРГ. И было бы неверно, даже нелепо утверждать, будто в этих актах нет логики. Есть, и она выражена четко и последовательно.

Согласно классическому определению, логика — это наука о законах мышления. Логичным мы называем все правильное, последовательное, обоснованное. И если с этих формальных позиций рассматривать «логическую секунду», то она будет соответствовать всем названным требованиям. Обоснованная? Да, так называемым «распоряжением о полуночной скидке».

Последовательная? Конечно. Ведь если учесть, что все законодательство отнюдь не только ФРГ, но и любой другой капиталистической страны в первую очередь служит интересам промышленных и финансовых магнатов, то трюк с «логической секундой», одним росчерком пера освобождающий полученную в течение года прибыль от налога на состояние и корпоративного налога, безусловно, последователен. Ведь этот трюк создает еще одну из многих возможностей для воротил «на законном основании» не платить налоги. Правильно ли это? Вот тут однозначного ответа быть не может. Любой бундесбюргер, которому приходится добрую треть своих доходов выплачивать в виде налогов, у которого облагаются мытом даже проценты, нарастающие на банковских вкладах, и его буквально трясет при одном упоминании о налоговой декларации, трюк с «логической секундой» правильным не назовет. Но хотя таких бундесбюргеров, которым фискальные ведомства пфенниг не простят, абсолютное большинство, их мнение, да и то весьма относительно, интересует политических деятелей разве что на выборах. А когда принимаются законы, им остается только подчиняться.

Но не только в «логической секунде» заключался хитроумный смысл продажи концерна. Действуя, опять-таки по образцу и подобию папаши, Фридрих Карл надул государственную казну еще и тем, что сумел обойти закон о «налоге на наследство». Согласно этому закону, утвержденному по предложению социал-демократов в 1974 году, Флик должен был бы через определенный срок выплатить положенные проценты с унаследованного ранее состояния, а это едва ли не половина всего богатства. Выгодно продав предприятие, Флик увильнул и от уплаты налога. Рядовые налогоплательщики снова оказались в дураках, а Фридрих Карл довольный потирал ладони.

В ходе судебного процесса по «афере Флика» выявился еще один важнейший факт — концерн Флика вместе с десятком других промышленных корпораций давал деньги федеральной разведывательной службе Бундеснахрихтендинст — БНД. На счет одного тайного агента в мюнхенском отделении «Дрезднер банк» были переведены 442 тысячи марок для организации «борьбы с терроризмом». Управление делами концерна Флика в Дюссельдорфе перевело 100 тысяч марок, дочерняя фирма «Динамит Нобель» — 40 тысяч, Гамбургский союз страховых обществ — 200 тысяч, концерн ФЕБА — 50 тысяч, некий Петер Йохимшталь (кто скрылся за этим псевдонимом, так и не раскрыли) — 50 тысяч марок.

Когда фон Браухич поведал об этом следствию, в Бонне пришли в ужас: промышленники заставляют работать на себя за наличные деньги государственные ведомства, да не какую-нибудь службу коммунального хозяйства, а государственный сыск. «За деньги, как явствует из данного факта, можно купить практически все, даже кусочек государства», — сокрушался журнал «Шпигель». «От Бонна пахнет банановой республикой», — гневался председатель бюджетной комиссии бундестага Руди Вальтер.

Канцлер Коль тут же заявил, что он заинтересован в доскональном выяснении вопроса о субсидиях для БНД. Однако и в этом случае широковещательные заявления оказались не более чем сотрясанием воздуха, поскольку политическим деятелям было предельно ясно, как сильно можно обжечься. Парламентская контрольная комиссия поспешила сделать заключение, что субсидирование имело разовый характер, и посоветовала промышленникам «не делать этого впредь».

Побочный вопрос — зачем фон Браухич взорвал столь опасную политическую бомбу — для опытных людей был тоже ясен.

— Это, видимо, можно расценивать как сигнал фон Браухича определенным людям,— догадался один из членов кабинета министров от Христианско-демократического союза.— «Осторожно, если вы меня не вытащите, я скажу еще больше».

Те, кому адресовались слова фон Браухича, намек поняли.

Грозовые облака, сгущавшиеся над головами обвиняемых, лишь слегка покрапали на них мелким дождем.

В приговоре, обоснование которого заняло 903 страницы, провозглашалось, что обвинение в подкупе и взяточничестве суд счел «недоказанными», а виновны фон Браухич, Фридерихс и Ламбсдорф только в уклонении от уплаты налогов. Но это, если вспомнить фельетон Бухвальда, в любой стране «свободного предпринимательства» почитается за доблесть.

Фон Браухич был условно приговорен к двум годам тюремного заключения и штрафу в 550 тысяч марок. С Ламбсдорфом и Фридерихсом обошлись еще мягче. На первого наложили штраф в 180 тысяч марок, на второго — в 61 500 марок. И хотя министерство финансов тут же предоставило обоим бывшим министрам субсидии на покрытие судебных издержек — Ламбсдорфу 515 тысяч марок, а Фридерихсу 245 тысяч,— как «пострадавшим за исполнение служебных обязанностей», обвиняемые подали протест на решение суда.

Протестовал и прокурор. Он не желал соглашаться с оправдательным, по сути дела, приговором.

Последняя точка была поставлена в октябре 1987 года. Агентство ДПА свое сообщение озаглавило весьма выразительно: «Боннский процесс по делу о субсидиях — после большого спектакля тихое погребение».

Оказалось, что прокуратура отозвала свой протест. Вслед за этим отказались от требования о пересмотре

приговора те, кто сидел на скамье подсудимых. Было ясно, что стороны сочли за благо не ворошить старое, а тихо похоронить дело, чтобы вновь не возвращаться к «афере Флика».

Забыть, скорее забыть скандальный процесс было в интересах не только непосредственных «героев» аферы, но и тех, кто слыл безупречными персонами первой величины, тех, кто представляет политическую элиту в Бонне.

Конечно, их желание понять можно. Но вот вопрос — насколько оно реально? В сентябре 1988 года английская газета «Дейли телеграф», касаясь «аферы Флика», сделала вывод, что «длинная серия скандалов существенно подорвала веру в честность руководителей нации». Но в самой Федеративной Республике в то же самое время произошло событие, которое показало, что «руководители нации» могут особенно не волноваться.

В городском собрании Крейцталя, города, где родился Фридрих Флик, «зеленые» поставили вопрос об отказе от наименования гимназии в честь магната. «Зеленые» мотивировали свое предложение тем, что позорно называть гимназию именем человека, который был военным преступником и деяния которого в послевоенные годы отнюдь не прибавили славы Крейцталю.

— Этого делать нельзя,— тут же заявил руководитель гимназии Гюнтер Швайцер.— В случае отмены наименования мы потеряем субсидии от дома Фликов. Без их денег мы пропадем.

Его поддержали с разных сторон.

— Мы помним господина Флика как выдающегося представителя нашего города. Не будь Флика, кто бы знал о нашем Крейцтале?

— Это был достойнейший человек. Я сам видел не раз как он, сидя в городском саду на скамейке в потертом пальто, делил бутерброд с шофером.

— Господин Флик никогда ни в чем не отказывал городу. Стоило позвонить в Дюссельдорф, как концерн доктора Флика тут же субсидировал просимую сумму.

В ходе дебатов выявилась такая пикантная деталь. Несмотря на то что Фридрих Флик умер еще в 1972 году, в городской телефонной книге его имя фигурирует по сей день. В справочнике на 1988—1989 годы он снова значится, не говоря уже о сохранении за Фридрихом Фликом звания почетного гражданина Крейцталя.

И все благодаря тем же «пожертвованиям».

Спор по поводу наименования гимназии вылился в борьбу между совестью и деньгами. Победили деньги.

В таких условиях и «руководители нации» вполне могут рассчитывать на забвение грехов. Деньги сильнее совести.

Суд, отмечала «Зюддойче цайтунг», вынес приговор, который от него ожидали. Кто ожидал, сомнений не вызывает. Газета прозрачно намекнула на тех, кто охотно пользуется подношениями концернов. Когда за три месяца до вынесения приговора Эберхард фон Браухич праздновал свое 60-летие, у него в гостях был «весь Бонн». Находившегося под судом юбиляра сердечно поздравляли вице-канцлер, министр иностранных дел Геншер, председатель Союза работодателей Отто Эссер, другие первые скрипки из сферы политики и экономики. По торжественному случаю хозяин нацепил на фрак баварский орден «За заслуги», и ни у кого из присутствовавших не вызвало сомнения, какие заслуги отмечены этим знаком. Все было, как в старые времена, когда фон Браухич представлял западногерманскую индустрию, являясь генеральным уполномоченным концерна «Фридрих Флик КГ». Так же в гардеробе, чтобы не перепутать пальто многочисленных гостей, выдавались номерки, как в театре, так же полицейские охраняли хозяина и гостей. И все, не только сам фон Браухич, но и его гости, вели себя так, словно не было никакой «аферы Флика», никакого суда.

Через несколько дней, бывают же такие совпадения, такой же юбилей отмечал граф Отто Ламбсдорф. И хотя по Бонну уже ходила пущенная Штраусом в адрес бывшего министра хозяйства ироническая кличка «граф Вчерашний», не только сам Ламбсдорф, но и его гости уверенно смотрели вперед и вслух рассуждали, когда он займет пост председателя Свободной демократической партии. Вопрос

стоял только о времени. А в том, что политическая карьера Ламбсдорфа не кончилась, не сомневался никто.

Думаю, даже Штраус в душе не мог не признать, что с ярлыком «граф Вчерашний» он сильно поторопился. Ламбсдорф не упускал случая, чтобы заявить о себе с трибуны бундестага. Он ездил в США для обмена мнениями о проблемах экономики ведущих капиталистических стран. В витринах книжных магазинов привлекает внимание книга «Свежий ветер для Бонна» с портретом на обложке автора, графа Отто Ламбсдорфа.

Стоит ли удивляться тому, что еще за год до вынесения приговора Ламбсдорф в интервью журналу «Бунте» выражал уверенность в благоприятном для него исходе процесса и открытым текстом говорил о своих политических амбициях. За месяц до завершения суда Ламбсдорф вновь стал депутатом бундестага. Кстати, за него активно ратовал один из лидеров СвДП, Мёллеман, как и многие другие замешанный в «афере Флика». Он вслух пустился в рассуждения о том, что председателю СвДП, министру хозяйства Бангеману в перспективе следовало бы помочь занять место председателя комиссии Европейских сообществ, а на его место лучшего претендента, чем Ламбсдорф, и не сыскать.

Те, кто спешил расстелить перед Ламбсдорфом красную ковровую дорожку, возводили в доблесть и свидетельство благородства — что бы вы думали? — поведение графа на суде. Его изворотливость, цинизм, которые на процессе переплелись в единый клубок, в лстивых устах превращались в пример для бундесбюргеров, в образец для политических деятелей.

Когда вопрос об избрании Ламбсдорфа председателем СвДП перешел в практическую плоскость — граф выставил свою кандидатуру против Ирмгард

Адам-Швейцер,— в ФРГ нашлось немало людей, которые искренне недоумевали: неужели либералы решатся отдать голоса человеку, осужденному по делу об «афере Флика» за укрывательство от уплаты налогов?

«Афера Флика»,— писал в начале октября 1988 года еженедельник «Цайт»,— еще долго будет оставаться символом того, как наши политические деятели пусть тайно, но пренебрегли всеми моральными критериями, которые они сами всячески превозносят. Конечно, Ламбсдорф не был единственным участником аферы, но он принял в ней выдающееся участие».

В редакции газет и журналов потоком шли письма, в которых читатели однозначно выражали возмущение таким развитием событий.

«Если правомерно осужденный судом нарушитель закона окажется в кресле председателя СвДП, это будет пощечиной для всех законопослушных граждан»,— писал Ганс Бёме из Вегберга.

«Я — таможенник на пенсии,— представлялся автор другого письма, Георг Вилле из Штутгарта.— Если бы я был наказан за укрывательство от уплаты налогов, я немедленно был бы выдворен со службы и потерял право на пенсию. А господин граф оказывается достойным уважения. Это совершенно непонятно нормальным, достойным уважения людям».

Бундесбюргеры обоснованно писали о двойной морали политических деятелей из партии свободных демократов, о полном пренебрежении с их стороны нормами закона, о глумлении над демократией.

Неприятные вопросы сыпались на графа и его сторонников со всех сторон. Вы думаете, это ставило их в неловкое положение, заставляло краснеть, оправдываться? Ничуть. По меткому выражению одной западногерманской газеты, граф использовал приговор

суда как фору для себя. «Да,— говорил он,— я совершил ошибку. Но учтите, я не положил в собственный карман ни единой марки. А что касается ошибки, то я получил хороший урок. Полезный урок».

И это производило впечатление. Тот же «Цайт», который давал Ламбсдорфу, казалось бы, однозначную моральную оценку, писал, что в ФРГ очень немного таких политических деятелей, которые, как Ламбсдорф, имели бы национальное и международное признание.

В такой атмосфере редкие голоса, призывавшие свободных демократов проявить принципиальность, не могли достичь ушей делегатов съезда СвДП. Граф Отто Ламбсдорф получил поддержку внушительного большинства и стал председателем партии.

Не прошло и месяца после этого, как к вершинам экономического могущества взлетел Фридерихс. Он стал председателем правления концерна «Аэробус».

Для того чтобы совершить такой поразительный моральный кульбит, одного извращения политического мышления мало. Нужна еще стопроцентная непоколебимая уверенность в том, что взяточникам в высшем эшелоне власти все дозволено, что закон, писанный для всех, на них не распространяется, а высшим принципом является власть денег.

В конституции ФРГ провозглашается, что «вся власть в государстве исходит от народа» (статья 20), а «депутаты бундестага являются представителями народа и связаны лишь его наказами и волей» (статья 38). Но один из читателей журнала «Шпигель» в связи с «аферой Флика» внес предложение в обеих названных статьях заменить слово «народ» в первом случае на «деньги», а во втором на «крупный капитал». Читатель бил в точку. Власть конечно же исходит от денег, а депутаты бундестага являются представите-

лями крупного капитала. Кто-кто, а прокуроры знают это превосходно.

Ни одна из крупнейших корпораций ФРГ не обходится без своих людей в «длинном Ойгене» — так по имени председателя бундестага Ойгена Герстенмайера, при котором было построено 30-этажное здание, именуется парламент ФРГ. По оценкам журнала «Штерн», 65 процентов депутатов бундестага представляют в федеральной столице «экономические интересы». За этой деликатной фразой скрывается прогрессирующий процесс сращивания западногерманских монополий с капиталистическим государством, процесс, в котором концерн Флика постоянно играл роль фермента.

Федеративная Республика еще только делала первые шаги, а Фридрих Флик уже позаботился о том, чтобы его личный секретарь Роберт Тильманс вошел в состав первого правительства страны в качестве министра по особым поручениям. Тогдашний генеральный уполномоченный концерна «Фридрих Флик КГ» Вольфганг Поле занял пост казначея Христианско-социального союза и получил мандат депутата бундестага.

Со временем политика создания концерном своего лобби в Бонне значительно расширилась. Журнал «Шпигель» приводил данные о том, что в 1976 году Фридрих Карл Флик обсуждал с главой земельного правительства в Майнце списки предпринимателей, которые хотели участвовать в парламентских выборах от земли Рейнланд-Пфальц.

Журнал «Штерн» прямо ставил вопрос: «Бундестаг — одно из предприятий концерна Флика?» Факты дают полное основание заменить вопросительный знак на восклицательный.

В документах боннской прокуратуры собралась объемистая документация переписки в 1979 году

между производившей танки «леопард» фликовской фирмой «Краус-Маффей» и видным деятелем правого крыла партии свободных демократов, который в то время представлял от СвДП в комиссии бундестага по вопросам обороны, Юргеном Мёллеманом.

Первый документ датирован 10 апреля 1979 года. Это справка члена правления «Краус-Маффей» Вольфганга Ретера для председателя правления Гейнца Грисмайера. В справке речь идет о письме Мёллемана, который просил у фирмы «Краус-Маффей» субсидию для возглавлявшегося им Общества по безопасности и сотрудничеству в Европе. Ретер уточнял: «По причинам, которые дополнительно нуждались в устном разъяснении, обществу следовало направить единовременное пособие в размере 3 тысяч марок за 1979 календарный год».

Следующий документ появился на свет 11 мая того же года. Бюро правления «Краус-Маффей» информировало «глубокоуважаемого господина Мёллемана» о том, что «эта сумма была переведена в конце апреля на счет упомянутого общества». Деловые люди всегда остаются деловыми людьми. Сообщив Мёллеману, что его просьба выполнена, бюро правления писало: «Мы были бы вам благодарны, если бы вы переслали нам квитанцию, подтверждающую получение данной субсидии».

Согласитесь, документ весьма любопытный. Конечно, деньги любят счет, но для того, чтобы в бухгалтерских книгах не было расхождения между дебетом и кредитом, очевидно, вполне достаточно документа, подтверждающего, что 3 тысячи переведены Обществу по безопасности и сотрудничеству в Европе. Квитанция от Мёллемана явно нужна была не для того, чтобы оправдаться перед главой концерна и акционерами, а для того, чтобы подцепить Мёллемана на крючок.

Общество, однако, протянуло всего восемь месяцев и благополучно испустило дух. Но не прошло и полугода, как Мёллеман снова попросил у правления «Краус-Маффей» энную сумму, чтобы «оказать финансовую поддержку моей предвыборной кампании в Мюнстере». В качестве адреса для перевода денег на сей раз он указал Клуб европейской экономической политики. Господа в правлении «Краус-Маффей» не хуже, чем в первый раз, понимали, кому попадут деньги. И они без промедления перевели 5 тысяч марок.

Если после этого возникнет предположение, что во время государственного визита в Саудовскую Аравию один из членов делегации ФРГ государственный министр Мёллеман всячески добивался продажи танков «леопард» потому, что фирма «Краус-Маффей» щедро ссудила ему многотысячные суммы, то такое предположение следует решительно отбросить. Герр Мёллеман ратовал за продажу танков, исходя из государственных интересов, и никак иначе. На его белоснежной манишке нет ни одного пятна, а намеки на 3 плюс 5 тысяч марок есть не что иное, как гнусная тень на добропорядочность государственных служащих и парламентариев. Он же не просил денег за посредничество в продаже танков.

Среди наиболее влиятельных представителей экономики в бундестаге называют депутата от ХСС Райнгольда Крайле. Перечень его постов в наблюдательных советах заполняет восемь строчек в бюллетене бундестага. «Без Райнгольда Крайле,— констатировал журнал «Штерн»,— ничего не делается в комиссии бундестага по вопросам финансов». Ему, этому Крайле, тоже пришлось держать ответ по делу об «афере Флика» перед комиссией бундестага. Он там такого наплел, что члены комиссии только руками развели.

Документы, имевшиеся в распоряжении комиссии, давали веские основания обвинить Крайле в том, что он за крупные взятки помогал концерну Флика укрыть от налогообложения значительную часть доходов.

— Что вы скажете на этот счет? — спросили Крайле.

Ответ был ошеломляющим.

— Моя роль, — сказал депутат бундестага от Христианско-социального союза, — ограничивалась советами, да и те я давал не как депутат, а как адвокат.

— В таком случае, не вступали ли вы в конфликт со своей совестью из-за того, что выступали в двойной роли?

— Нет, — спокойно ответил Крайле. — Депутат занимается законодательной деятельностью, а контролировать законы — это дело административных органов.

У таких, как Крайле, с совестью всегда все в порядке. Они ее просто не имеют.

Воля концернов плюс их деньги, а может деньги плюс воля заменяют политикам не только совесть.

Как признал однажды граф Ламбсдорф, концерн Флика не скрывал своей заинтересованности в том, чтобы в Бонне проводился «твердый политический курс». Это явно было намеком на то, что социал-либеральное правительство (СДПГ в блоке с СвДП) промышленников не устраивало.

Свободным демократам давали крупные деньги, прямолинейно намекая, что «экономика нуждается в стабильности», а это значит, что СвДП не по пути с социал-демократами. Одновременно щедро субсидировались и христианские демократы.

Еще в 1976 году, то есть за шесть лет до того, как свободные демократы разрушили коалицию с социал-демократами и пошли на союз с ХДС/ХСС, Гельмут Коль в беседе с фон Браухичем сказал,

что «он считает возможной смену коалиции в Бонне». Два года спустя штаб Флика конкретизировал задачи в своем секретном отчете «Создание исходной базы для диалога ХДС — СвДП». В нем фигурировали такие пункты: «Голосование с целью решения вопроса о распределении пожертвований», «Активное участие в дискуссии по принципиальной программе ХДС», «Помощь в подготовке подходящих кандидатов в парламентские органы» и т. д. Христианские демократы, откликаясь на запрос концерна, выражали согласие на блокирование с СвДП.

Если делают предложение девице, брак формально зависит от ее воли. В политических браках решающую роль играет третья сторона, те, кого в обычной жизни именуют свахами. Либеральная невеста прекрасно понимала, чего ждут от нее свахи из концерна Флика, и, получая деньги, СвДП как бы выдавала расписку в обязательствах вернуть долг политическими средствами, что в 1982 году и было сделано.

В те бурные дни, когда свободные демократы совершили акт предательства, на страницах некоторых западногерманских газет, то ли не обладающих достаточно широким политическим кругозором, то ли пребывающих в облаках прекрасодушного либерального мечтательства, задавался вопрос, как же это так получилось? Ведь во время предвыборной кампании СвДП однозначно выступала за коалицию с СДПГ и избиратели дали либералам мандат именно на этот союз.

Вопрос вполне правомерен, если опираться на логику, здравый смысл и декларации политических деятелей. Но в действиях буржуазных политиков логику заменяют требования промышленных и финансовых воротил, здравый смысл заключается в том, чтобы уметь держать нос по ветру, а декларации... Ну кто всерьез принимает слова буржуазных полити-

ков! Еще Август Бебель говорил, что внимание надо обращать не на их рот, а на их руки.

Концерну Флика, да и не только ему, в условиях резкого обострения экономических и социальных проблем, когда уровень промышленного производства пошел вниз, а кривая безработицы неудержимо рванула вверх, попытки социал-демократов снизить остроту положения на рынке труда были неприемлемы. Ведь вопрос, по существу, стоял так: либо удастся создать новые рабочие места, но за счет доходов банков и концернов, либо профиты останутся в неприкосновенности, хотя безработица будет расти. Надо ли объяснять, что выбран был второй вариант. Свободным демократам прозрачно намекнули — пора! Так произошел поворот в Бонне. Воля одного такого избирателя, как Флик, на чаше политических весов легко перетянула голоса нескольких миллионов бундесбюргеров, вручивших СвДП мандат на коалицию с СДПГ.

Правда, депутаты от социал-демократической партии склонны бросать такие слова, как «мне надоело вариться в одном котле с продуктами Флика» (это сказал Гарольд Шефер) или «мои избиратели имеют право знать, чей хлеб я ем, чтобы на этом основании судить, с чьего голоса я пою» (Клаус Леннарц), но ведь это красные — а для СвДП социал-демократы, безусловно, красные, — которые готовы бросить тень даже на высокие принципы парламентаризма. Полемизировать с ними ниже достоинства господ мёллеманов.

Конечно, как тут полемизировать, если, с одной стороны, непреложные факты, а с другой — ничего, кроме уверений в непорочной совести, подкрепляемых лишь напыщенным красноречием.

Утверждение, что «бундестаг — одно из предприятий концерна Флика», пожалуй, действительно, черес-

чур сильно, но лишь потому, что не один «Фридрих Флик КГ» распоряжается там.

Флик и здесь выступает как имя нарицательное. В докладе социал-демократической партии о том, как выплатой крупных денежных сумм концерн Флика вместе с другими компаниями добивался развала социал-либеральной коалиции, отмечается, что «в документах то и дело фигурируют такие имена, как доктор Хенкель, Ёткер, Ганс Меркле, Аксель Шпрингер, Квандт, Шиккеданц и Эккес». А ведь это имена некоронованных королей западногерманской экономики и средств массовой информации. Многотысячные пожертвования переводили в партийные кассы и страховые концерны. Ближайший подручный Штрауса федеральный министр внутренних дел Фридрих Циммерман получил от них 20 тысяч марок «на проведение кампании по выборам в бундестаг». Такая же сумма была предоставлена и другим членам боннского кабинета — министру почт и телеграфа Кристиану Шварц-Шиллингу, министру научных исследований и технологии Гейнцу Ризенхуберу, государственному министру в ведомстве федерального канцлера Фридриху Фогелю. Отто Ламбсдорф дважды получал деньги от страховых обществ. И если в первый раз ему досталась, можно сказать, стандартная ставка для министра в 20 тысяч марок, то во второй, надо полагать, с учетом его богатейшего опыта по части предоставления налоговых льгот, страховые общества отвалили ему 50 тысяч. Так страховые общества страховали собственные интересы.

Когда эти данные всплыли наружу, Союз немецких страховых обществ поспешил выступить с официальным объяснением. «Рабочий круг частных страховщиков» (так называется организация, за ширмой которой страховые концерны занимаются подкупом государственных деятелей.— Авт.),— говорилось в заявле-

нии,— оказал поддержку именно сторонникам социального рыночного хозяйства, потому что, с точки зрения страховых обществ и их клиентов, этот круг отражает ответственность, возложенную на частный капитал».

Иными словами, страховые концерны пояснили, что деньги давали тем, кто отражает их интересы. И пояснили без тени смущения, не говоря уже о стыде.

Когда капиталу приходится давать ответ на неприятные вопросы, он не стесняется в выражениях и меньше всего чувствует себя скованным «демократическими» постулатами.

Так же «прицельно» давали деньги и фармацевтические концерны. О своем здоровье они пеклись больше, чем о здоровье больных, и не делали из этого большого секрета. Председатель федерального объединения фармацевтической промышленности М. Тифенбахер в письме секретарю объединения писал: «Я разделяю ваше мнение, что федеральное объединение должно внести свой вклад в финансирование предвыборной борьбы кандидатов в депутаты бундестага, избрание которых нам желательно».

Так что Флик далеко не одинок, хотя и задавал тон в рядах дающих «субсидии».

Депутат бундестага от партии зеленых юрист Отто Шили, входивший в комиссию бундестага по расследованию «аферы Флика», в представленном им особом мнении относительно доклада большинства писал так: «Закулисные действия концерна Флика, проникновение его лобби в партии и политические институты, притязания Флика на господство и руководящие указания его уполномоченных отнюдь не являются экзотическими исключениями, а представляют собой симптом неправильного общественного развития в весьма крупных масштабах. Характерным признаком

этого является все более увеличивающееся, угрожающее превосходство крупных концернов и банков. Они превратились в центры власти».

Как можно судить по приведенной цитате, «зеленый» Отто Шили пошел дальше социал-демократов в социальной и политической оценке «аферы Флика».

Подобные оценки, естественно, не вызывали восторга у тех, к кому они относились.

— Я предостерегаю, — поднимал многозначительно указующий перст председатель Федерального объединения немецкой промышленности Рольф Роденшток, — от того, чтобы стричь всех под одну гребенку. Предприниматели не покупают наших политических деятелей целыми группами, не претендуют на роль подлинных властителей государства.

Корреспондент шпрингеровской бульварной газеты «Бильд-цайтунг», которому Роденшток дал интервью, обрисовывая атмосферу встречи с председателем Объединения немецкой промышленности, не жалел красок, чтобы передать его гнев. Можно представить, какие молнии метали очи Роденштока, какими громами грохотал его голос.

«Предприниматели не покупают наших политических деятелей целыми группами». Ну это еще как сказать. Покупают и группами, покупают и поштучно, смотря по тому, насколько это проще, удобнее, да и дешевле.

В свое время Старый Фриц посадил в кабинет министров личного секретаря, в наши дни член правления «Дойче банк» по рекомендации президента Объединения торгово-промышленных палат ФРГ Отто Вольфа фон Амеронгена стал советником федерального канцлера Коля. Ставленники воротил индустрии получают в партийных списках на выборах в бундестаг такие высокие места, которые гарантируют им получение депутатского мандата. В итоге интересы

Христианско-демократического союза и собственно концернов представляют в бундестаге от «Сименс» Хаймо Георге, от «АЭГ-Телефункен» — Эрих Маал. Своих людей имеют там и «Зальцгиттер», и «Роберт Бош», и все банки, начиная с «Дойче банк».

Отто Ламбсдорф до 1971 года был генеральным уполномоченным дюссельдорфского банка «Тринкаус-банк», а позднее стал членом правления страховой компании «Викториа-ферзихерунг АГ» и членом наблюдательных советов других объединений. Нынешний федеральный министр финансов Герхард Штольтенберг был одним из директоров концерна Круппа.

Анализируя состав депутатов бундестага, избранных в январе 1987 года, агентство ДПА отметило, что «государственные служащие, уже являвшие собой мощное ядро среди парламентариев в Бонне, обрели еще большую силу. Почти 50 процентов из 519 депутатов являются действительными или бывшими членами правительства или высокопоставленными чиновниками». А это, как свидетельствует «афера Флика», и есть та среда, которая за щедрую мзду всегда готова выполнить волю монополий. К тому же боннские юристы открыли для подкупа новые возможности, используя «аферу Флика» для... легализации пожертвований промышленников политическим деятелям.

— Все партии берут пожертвования. Им без этого не обойтись,— говорил канцлер Коль.— Люди, жертвовавшие нам, демократическим партиям, деньги, поступали так из добрых побуждений. Мы действовали с полным убеждением в своей правоте, а те, кто жертвовал нашей партии деньги, не имеют никаких оснований чувствовать себя преступниками.

Вынужденный вернуться к этому вопросу, Коль и через два года повторял:

— Я собирал пожертвования, чтобы привести в порядок дела партии. А коррупция, ну что ж, она

есть повсюду, и политическая мораль в ФРГ не хуже, чем в других странах.

В один голос с ним пел председатель бундестага Филипп Еннингер. Он брал даже более высокую ноту.

— Пожертвования,— поучал Еннингер,— необходимы, крайне желательны с государственно-политической точки зрения и не оскорбляют чести.

Кстати, о чести. В ноябре 1988 года, когда отмечалось 50-летие «хрустальной ночи», как называли еврейский погром в нацистской Германии, Еннингер, скороговоркой сказав, что Освенцим больше никогда не должен повториться, пространно восхвалял Гитлера и не остановился перед антисемитскими выпадами. Разразился политический скандал, и Еннингеру пришлось подать в отставку. Но характерно, что руководители ХДС и в этой ситуации поспешили выступить с расшаркиваниями перед Еннингером. Его дифирамбы в адрес Гитлера явно не оскорбили их чести. Так стоит ли удивляться тому, что они рьяно защищали и практику финансовых жертвований политическим партиям?

Подобным же образом действовали юристы. Пока боннский земельный суд занимался «аферой Флика», высшая судебная инстанция — федеральный конституционный суд специальным решением легализовал жертвования политическим партиям. Было дано официальное разрешение на перечисление денег различным фондам, близко стоящим к партиям, что означало едва завуалированное финансирование этих партий. Таких фондов тьма-тьмущая. Взносы в них, как благотворительные, изымаются из суммы доходов, подлежащих налогообложению. По данному поводу гамбургский еженедельник «Цайт» констатировал: «Заколдованный круг (партии так или эдак должны получать деньги, поскольку деньги им нужны) не был разорван, ему лишь придали форму законности».

Судьи не отбросили лишь один вопрос, поставленный правительственным чиновником, членом партии зеленых Вильфридом Скупником. С его аргументом, что он, как гражданин, считает ущемленным свое конституционное право на равноправное участие в процессе формирования политических мнений, поскольку со своим скромным окладом никогда не сможет получить такие же налоговые льготы, как Флик, суд согласился.

— Вы правы, господин Скупник,— сказали судьи.

И тут же вынесли решение, достойное шемакина суда. Судьи конституционного суда постановили, что налоговые льготы не будут распространяться на пожертвования в размере более 100 тысяч марок. Христианско-демократический союз в одном из документов, отнюдь не по его воле ставшем достоянием гласности, позволил себе откровенно поиздеваться над простодушным чиновником. «Для Скупника,— говорилось в документе,— это конкретно означает, что он может пожертвовать не только сумму в 5 процентов своего жалования, претендуя при этом на налоговые льготы, но и целых 100 тысяч марок».

И это еще не все. Суд определил, что тот, кто больше дает, и льгот больше имеет. Из доходов в размере 18 тысяч марок в год разрешается пожертвовать до 2 тысяч 100 марок. Это позволит сохранить от уплаты налогов 731 марку. А тот, у кого годовой доход достигает миллиона, имеет право выделить на пожертвования до 51 тысячи марок, и это убережет от выплаты налога 28 тысяч 421 марку. Миллион — сумма солидная, но у Флика, как отмечалось, это был доход менее чем за одни-единственные сутки.

«Состоятельные круги получают право на свободное обращение с конституцией»,— резюмировал решение федерального конституционного суда журнал «Шпигель». Если под «свободным обращением» под-

разумеается «что хочу, то и ворочу», с мнением гамбургского журнала можно согласиться.

Для того чтобы определить политический характер общества, вовсе не обязательно глубоко анализировать все действующие в нем законоположения. Подобно тому как по летящей соломинке определяется направление ветра, так и взаимоотношения между законодателями и стражами закона, с одной стороны, и, как деликатно называет их буржуазная пресса, капитанами индустрии, с другой стороны, показывают, кому принадлежат «свобода» и «демократия».

Решение федерального конституционного суда о практике финансирования политических партий, по сути дела, предоставляет монополистам всю полноту власти. И мало того, что им официально разрешается «заказывать музыку», они еще на этом получают чистый доход, освобождаясь от уплаты налогов. Получателям крупных доходов даровали и абсолютно и относительно огромные привилегии. А для того чтобы предельная сумма в сто тысяч не ввела жертвователей в заблуждение, будто больше они партиям и отсчитать не могут, судьи приняли положение о предоставлении права давать деньги не только физическим, но и юридическим лицам.

Что это означает? То, что «те физические лица,— указывал профессор права Эрнст Вольфганг Бёкенфёрде,— которые стоят за юридическим лицом и действуют через него, в нарушение принципа равенства получают дополнительную возможность воздействовать на процесс формирования политической воли, пользуясь для этого налоговыми льготами, то есть возможностью, которой лишены остальные граждане».

Профессор Бёкенфёрде, являющийся одним из восьми членов конституционного суда, пытался открыть глаза своим коллегам на очевидный факт — жертвования и налоговые льготы можно увеличить в

несколько раз. Но его не стали слушать, хотя ясно, что тот же Фридрих Карл Флик получал возможность пожертвовать 100 тысяч марок и сберечь от уплаты налогов большую часть этой суммы как физическое лицо и повторить то же самое более 300 раз от имени входящих в концерн «Фридрих Флик КГ» фирм, являющихся юридическими лицами.

Любопытства ради помножим 300 на 100 тысяч. По законам арифметики получается 30 000 000. Вот это ограничение! За десять лет концерн истратил на подкуп политических партий 25 миллионов, а конституционный суд предоставил право ежегодно выделять до 30 миллионов. Ай да судьи! Ай да стражи конституции!

Но это еще не все. Заместитель председателя бундестага, член Христианско-социального союза Рихард Штюклен тут же выступил с призывом «подвести окончательную черту» под всеми еще не завершившимися судебными процессами по делам о пожертвованиях, общее число коих составило полторы тысячи. И мотивировал свое требование «моральными причинами». Мало того, что право поставлено на службу деньгам, им еще и мораль подчиняют.

— Решение федерального конституционного суда,— иронически заметил публицист Рольф Лампрехт,— означает, что все граждане равны, но богатые стали «более равными», чем остальные.

Миллиардер Фридрих Карл Флик и любой безработный на словах полностью равны — и тот, и другой получили право жертвовать ежегодно до 100 тысяч марок, получая за это налоговую скидку. Но если для фликов это — легализация и расширение существующей практики, для рабочего (я уже не говорю о тех, кто живет на пособие по безработице) получение такого права не что иное, как издевательство. Согласно официальной статистике, рядовой бундес-

бюргер зарабатывает в год в среднем от 35 тысяч марок (рабочий) до 45 тысяч (служащий). Великодушные стражи конституционной демократии в своем возвышенном стремлении к равенству и ему, этому бундесбюргеру, дали такое же право, как и Флику. И не надо задавать вопрос, как можно пожертвовать 100 тысяч при зарплате от 35 до 45 тысяч. Самое главное — определить право, а деньги добывайте сами, на то оно и существует, общество свободного предпринимательства. Тем более, как заметила казначей партии свободных демократов Ирмагд Аддам-Швейцер, «после приговора создана полная ясность для всех жертвователей. Время неопределенности осталось позади».

Насколько можно понять, флики и прежде не испытывали особых сомнений и неопределенность их не тревожила, а уж после решения конституционного суда, когда «конвертократия» была возведена в ранг высшей демократии, оставалось только поинтересоваться, почем нынче налоговые льготы и сколько министры берут за согласие на просьбу концерна. Остальное было переведено в техническое русло.

Воля концернов остается определяющей. Равно как и жертвования. После первых разоблачений, связанных с делом о субсидировании партий в 1981—1982 годах, жертвования сократились. Но уже в 1983 году, когда следственные органы и прокуратура вовсю занимались «аферой Флика» и сообщения об этом печатались аршинными буквами, концерны, высокомерно пренебрегая общественным мнением, вновь стали щедро давать деньги и христианским, и свободным демократам, которые к тому времени создали коалиционное правительство.

В том же 1983 году ХДС получил 40 миллионов 310 тысяч марок, ХСС — 17 миллионов 70 тысяч марок, СвДП — 13 миллионов 440 тысяч марок. Таковую же

сумму — 40 миллионов марок Христианско-социальный союз истратил на предвыборную кампанию 1987 года. Откуда взялись эти огромные деньги, знают даже воробы на боннских крышах. Помимо субсидирования промышленники оказали ХДС и политическую поддержку. Чтобы заранее психологически подготовить избирателей к официальному лозунгу Христианско-демократического союза, под которым он шел на выборы в бундестаг,— «Так держать, Германия!» — Объединение предпринимателей металлургической промышленности ассигновало «несколько сот тысяч марок» (так сообщил «Штерн») на выпущенное еще до начала официальной избирательной кампании объявление с таким девизом: «Так держать! У нас снова есть стабильность!»

Когда оппоненты ХДС поставили вопрос о неправомерных действиях объединения, последовал ответ, что это объявление не имеет никакого отношения к избирательной кампании и связано якобы с переговорами 1986 года о тарифных ставках в металлургической промышленности.

И делались эти уверения без тени смущения, как говорят, «на голубом глазу». А проще сказать — врут и не краснеют. Его величество гешефт снова правил бал. И пусть шумят витии, пусть ломают перья журналисты, а телевизионные камеры норовят показать крупным планом растерянные лица оказавшихся под следствием государственных мужей.

Уже после «аферы Флика» Федеративную Республику сотрясли скандалы в связи с делом фирмы «Транснуклеар», занимавшейся контрабандой расщепляющимися материалами, с делом Баршеля, бывшего главы земельного правительства Шлезвиг-Гольштейна, организовавшего антиконституционную слежку за политическими противниками. Отголоски этих скандалов звучат до сих пор, но, по существу, никто

из обвиняемых наказания не понес. Все выкрутились.

Западногерманский сатирик В. Эберт, видя паразитическую слепоту боннской Фемиды, предложил упростить процедуру расследования подобных дел и разработал типовой формуляр «отпущения грехов». Этот документ, основанный на конкретном опыте, выглядит так.

«По поводу обвинений (подозрений, упреков) в неоднократном получении (даче) взятки (платы за умолчание, мзды), укрывательстве от налогов на миллионные суммы, трате (проигрыше) казенных денег могу заявить следующее:

Я ..., родившийся в ..., по профессии ..., не имею ни малейшего отношения (практически не имею, имею весьма отдаленное) к якобы имевшим место проступкам (нарушениям, преступлениям).

В упомянутое время я вовсе не был в ..., а находился на отдыхе в Бад Пирмонте (в одном из исправительных заведений, в составе делегации, посетившей Тайвань).

Сомнительную запись никогда не видел в глаза (не мог разобрать без очков, бегло пробежал по диагонали). Моя подпись под документом могла быть лишь злонамеренной фальшивкой (появиться под влиянием наркотических средств, временного умопомрачения). И вообще, я ничего не могу вспомнить по поводу происшедшего (при всем желании не могу, помню весьма смутно).

Обвинение (подозрение, утверждение), будто я грубо игнорировал (преступил, нарушил) положения (предписания, законы) о перевозке атомного сырья (партийных пожертвованиях, уплате налогов), несостоятельно хотя бы потому, что таковые положения мне абсолютно неизвестны (не были мне сообщены, поняты мною неверно).

Что касается моих отношений с министеральным советником (членом правления, депутатом бундестага, ландтага), то такого я вообще не знаю (о таком только слышал, знаком поверхностно). Беседа, упоминаемая в его показаниях (дневниках, письмах, заметках), не имела места (проходила в другое время, с глазу на глаз).

В заключение прошу о справедливом вердикте по поводу моего (приписываемого мне) дела (проступка, юношеского греха), то есть об однозначном оправдании (смягчающих обстоятельствах, оправдании ввиду недоказанности, умеренном наказании), так как я совершил действия, в которых меня обвиняют, в интересах своей партии (своей фирмы, страны, Европы, мира на Земле)».

Вот такой формуляр. Приложите его к словам обвинявшихся, к примеру по делу об «афере Флика», и вы убедитесь в стопроцентном совпадении уверток, к которым прибегали персоны, оказавшиеся на скамье подсудимых.

Но еще больше изумились бундесбюргеры, когда узнали, что законодатели заранее, еще на заре существования боннского государства, позаботились о своих корыстных интересах, оставив в уголовном законодательстве зияющую дыру.

Немецкая юридическая школа, которая славится особенно пунктуальной, стремится зафиксировать все и вся, не оставить ничего не охваченного жесткими рамками закона, как оказалось, закрыла глаза на взяточников с депутатскими мандатами. И это было особенно поразительно, поскольку почти во всех странах мира предусматривается суровое наказание депутатов как за получение взяток, так и за их дачу. В уголовном же законодательстве ФРГ это положение напрочь отсутствует. Его не было, словно творцы закона ни сном ни духом не ведали о таких деяниях и необходимости наказания за них.

Лишь в 1987 году гамбургское рабочее сообщество юристов социал-демократов обратило внимание общественности на этот пробел. «В Англии,— ссылались социал-демократические юристы на прецедент,— еще в 1695 году подкуп депутатов был причислен к самым тяжким преступлениям, таким, как убийство».

Но ни исторический экскурс, ни конкретные предложения карать взяточников лишением депутатского мандата на законодателей, судя по всему, впечатления не произвели. «Да, да, мы думаем об этом»,— говорили руководители бундестага и... продолжали пустопорожние прения, которые вот уже без малого 40 лет дальше разговоров о необходимости выработки правового регулирования никак не идут.

Бумаг за минувшие годы извели несметное количество. Не было ни одного созыва бундестага, который не занимался бы рассмотрением проблемы. Едва ли не постоянно говорят об этом и в земельных парламентах — ландтагах. Социал-демократы вносят одно предложение за другим, но христианские демократы никак не могут преодолеть сомнения в пользу закона. Так вопрос и остается открытым.

«Вся власть в государстве исходит от денег». От этой власти в этом государстве они не откажутся никогда.

Власть денег — это власть Флика и фликов. Прокуроры и подумать не смели о привлечении к ответу владельца концерна. Судить его означало бы все равно, что судить боннское государство. Увольте, только не это.

Летом 1987 года, когда об «афере Флика» несколько подзабыли, в ландтаге, как именуются местные парламенты, земли Баден-Вюртемберг была распущена комиссия по расследованию пожертвований фирм политическим партиям. Голосами христианских де-

мократов и свободных демократов, вопреки решительным возражениям социал-демократов и зеленых, комиссия прекратила существование. И произошло это вовсе не потому, что ее деятельность была бесплодной, а как раз из-за того, что собранные материалы грозили вызвать новый политический скандал, отнюдь не меньший, а даже больший, чем «афера Флика».

Концерн Флика, как вы помните, предоставил политическим деятелям пожертвования в общей сумме 25 миллионов марок. Через так называемые «профессиональные объединения» могущественных воротил экономики земли Баден-Вюртемберг с 1960 по 1981 год только одной земельной организации ХДС перепало 50 миллионов марок. Мало того, что эти деньги пошли на поддержку угодных концернам претендентов на депутатские мандаты, но они обеспечили весьма существенную «экономия» на налогах, в расчете на год в среднем 1 миллион 600 тысяч марок.

Казалось бы, одни эти астрономические цифры — 50 миллионов на подкуп, 32 миллиона «льгот» на уплату налогов — должны были вызвать потрясение и уж по крайней мере привлечь к себе пристальное внимание. В этих условиях, когда христианские демократы поставили вопрос о ликвидации комиссии, расследовавшей дело о пожертвованиях, можно было с полным основанием говорить о том, как политические лидеры земли Баден-Вюртемберг бесстыдно вмешиваются в прерогативы ландтага и не только не прячут концы в воду, а цинично, среди бела дня связывают руки тем, кто пытается докопаться до полной истины. Но на этот раз пресса сделала вид, будто все нормально. Мелькнула пара коротких телеграмм, и дело предали забвению. Ничего, дескать, такого не произошло, чтобы волноваться и разбираться.

И в этом была своя логика. В самом деле, ну что такого, с точки зрения боннских правящих кругов, слу-

чилось в земле Баден-Вюртемберг? Нормальное явление. Пожертвования существовали до Флика, сохраняются и после него. Поддержка тех политических деятелей, которые устраивают крупный капитал? Внутренняя взаимосвязь денег и политики стара как мир. Без этого власть денег и существовать не может. К тому же имелась и еще одна веская, с точки зрения властей, причина поскорее расправиться с комиссией.

Как сообщила газета «Штутгартер цайтунг», автомобилестроительный концерн «Даймлер-Бенц», да, тот самый, на котором Флик изрядно погрел руки, выудил из городской казны 159 миллионов 800 тысяч марок. Концерн решил построить вблизи столицы Баден-Вюртемберга — Штутгарта еще один завод по производству легковых автомобилей. За каждый квадратный метр облюбованной им площади город частным владельцам заплатил по 25 марок. Но концерн приобрел угодья по цене 10 марок за квадратный метр. Ну чем не фликовская комбинация? Конечно, правящие в Баден-Вюртемберге христианские демократы отнюдь не жаждали, чтобы механизм этой сделки был раскрыт.

В те же самые дни, когда в столице Баден-Вюртемберга христианские демократы пели отходную комиссии ландтага по расследованию дела о жертвованиях, чилийский журнал «Анализис» поведал о том, что западногерманский военно-промышленный комплекс с помощью ревностного католика Франца Йозефа Штрауса окольными путями, через третьи страны, снабжает оружием и боеприпасами чилийскую хунту. В сообщении мелькали знакомые названия фирм, близких в свое время к концерну «Фридрих Флик КГ». Особую роль, отмечал «Анализис», в оснащении пиночетовских громил новейшими и разнообразнейшими средствами террора против народа Чили играет концерн «Мессершмитт-Бёльков-Блом», тот самый, с которым Фридрих Карл Флик успел

породниться через продажу ему «Краус-Маффей».

Предметом «особой заботы боннского политического ландшафта» назвал «Шпигель» в разгар «аферы Флика» систему подкупов, то бишь пожертвований. С тех пор, естественно, и декорации несколько изменились, и среди действующих лиц произошли некоторые перемены. Но на боннский ландшафт как таковой все это ни малейшего влияния не оказало. Равно как и выход из игры концерна «Фридрих Флик индустрифервальтунг КГ».

Переход концерна в руки «Дойче банк» вычеркнул его из списков самостоятельных корпораций, но дух, в порождение которого он внес огромный вклад, и сегодня дает о себе знать. Концерн не канул в Лету, а вошел неотъемлемой частью в современную западно-германскую экономическую и политическую жизнь. Он воплощен в ней.

Оглавление

1	Стервятник	3
2	Секрет фирмы	18
3	Семь смертных грехов	40
4	Главный кузнец оружия	56
5	Конвертократия	66
6	«Настоящий герой»	84
7	Всевластие капитала	100

Виктор Николаевич Левин

**ФЛИК —
ИМЯ НАРИЦАТЕЛЬНОЕ**

Заведующий редакцией В. Т. Пискунов

Редактор Е. М. Аветисян

Младший редактор О. В. Иванова

Художник А. А. Брантман

Художественный редактор А. А. Пчелкин

Технический редактор Т. Н. Хилькевич

ИБ № 7443

Сдано в набор 28.12.88. Подписано в печать 22.04.89. А 00046. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Журнальная рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,13. Уч.-изд. л. 5,56. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 4403. Цена 25 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Владыки капиталистического мира

25 коп.

ПОЛИТИЗДАТ

Владыки капиталистического мира